

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ

АРТИСТА КУКУРУЗИНА

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ * БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ*

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ * божественная комедия *

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ * БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ*

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДИЯ *

###*****

Moskva matrica vergilij Milina café koshki slon kamera motor sosnovka ozero

Елена Трещинская

12+

Елена Трещинская

Божественная комедия артиста Кукурузина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63096463

SelfPub; 2020

Аннотация

Книжка-кино в 14 эпизодах. Матрица сознания, – как она вплетена в наши будни? Эта и ещё несколько базовых тайн бытия современного мира, пропущенных через сознание простого актёра третьих ролей. В XIII веке итальянский поэт Данте Алигьери написал «Божественную комедию», описав своё путешествие по аду, раю и чистилищу. Проводником в эти места ему послужил призрак Вергилия, поэта Древнего Рима, который заодно отвечал на вопросы Данте. Какое отношение это имеет к артисту Кукурузину? Самое прямое, начиная с момента явления к нему паренька в лимонной худи и модных рваных джинсах.

Содержание

Эпизод 1	4
Эпизод 2	15
Эпизод	37
Эпизод 6	56
Эпизод 7	66
Эпизод 8	72
Эпизод 9	81
Эпизод 10	89
Эпизод 11	96
Эпизод 12	104
Эпизод 13	110
Эпизод 14	117

Елена Трещинская

Божественная комедия

артиста Кукурузина

Эпизод 1

Не верите в непознанное? А познавать не пробовали?

Кукурузина толкнули. Обычное дело: никогда никому не до него и невесть какая птица. Вон артистка Кулешова – это да, звезда. Прибыла на съёмки минута в минуту, на гриме два часа отсидела, теперь с костюмерами бодается за цвет юбки. Потом обуется и сядет со сценарием в сторонке. У неё за плечами уже восемь фильмов. Правда, все как один – мыло-сериалы, не отличишь, только с разными именами героев. Нет, Кулешова очень убедительна в меланхолических героинях, хотя характерную роль не потянет, а артистка Саморина...

– Здравсьте...

... прошла мимо. А ведь она вчера удостоила Кукурузина целым монологом на тему «мой партнёр, народный артист, всё такое, конечно, но ему уже под восемьдесят и кто бы ему текст вложил в голову, забывает, замотали дублями»... Эта

Саморина хороша в своей роли зечки, ярость передаёт смачно.

«Да, я здесь – ни рыба ни мясо. Я – соя». Кукурузин с тоской оглядел съёмочную площадку: гримёры гримируют, осветители двигают приборы, операторы переговариваются и жестикулируют, режиссёр смотрит в пачку листов, ассистенты носятся по всей Розе ветров...

Эх, никто, никто и не подозревает, что вот тут рядом с ними, всеми толкаемый, сидит гений, Кукурузин, артист десятых ролей, конечно, но писатель не хуже сотен писателей. Тех, чьи книжки лежат в центральном книжном, толстые, дорогие, под табличкой «Хит продаж. Новинки». Если бы они только знали, что не так уж он, Кукурузин, и лелеет мечту стать народным или хотя бы узнаваемым на улице героем телевизора, как вот этот пижон Хромов...

– Здрасьте.

... герой-любовник семи сериалов, и вправду большой мастер эти пузыри надувать. Хромов только что соизволил подъехать, чмокнул Кулешову – сейчас будут по команде «мотор» вечную любовь намыливать по застиранному сценарию. Прачечная.

Нет. Кукурузин настолько глубже всей этой призрачной суеты, что сейчас вот сорвался бы с места и сбежал отсюда навсегда, если бы не Маля.

Она гордится, что её возлюбленный – артист кино. А разочаровать её, а хуже – потерять, нет. Кукурузин будет терпеть,

и писать свои книжки тайком. Почему тайком? Почему бы не почитать их Мале? «Обязательно почитаю, только вот закончу «Божественную комедию два», дам прочитать сначала маме, а потом уже Мале...»

Маля – это чудо, это любовь. Имя одно чего стоит. Полное имя у неё тоже кайф – Милина. Съел бы всю.

Февральский снежок уже почернел и почти сполз с дорожек парка. Кукурузин возвращался домой со съёмки в тот же день, когда ЭТО произошло в его жизни. Он просто решил прогуляться, дать крюк через Царицынский музейный парк. Благо, открыт, пока ещё не вечер. Свои пару сцен Кукурузин отыграл ещё до обеда и как был в кадре взъерошенным, сутулым и в своей синей куртке, так и пошёл домой, застегнув в нагрудном кармане нехитрую денежку за половину смены. «Зато я начитанный. Вот, у меня с собой книжка, написанная в четырнадцатом веке итальянским поэтом Данте Алигьери. «Божественная комедия». На съёмочной площадке про такого не слышала половина народу. Или две трети. Может, поэтому я на пятых ролях?.. Тридцать пять лет, мне уже тридцать пять лет...»

И тут арифметику Кукурузина прервали сладкие видения настоящего кино, снятого по сценарию его, «самогО» Николая Кукурузина. Средневековая Италия, город Равенна, сильный ветер с моря, на берегу стоит старый поэт Данте Алигьери и придерживает обеими руками шапочку, чтобы не слетела. Звучит музыка, выражающая смятение души,

а вдали, за фигурой поэта зритель видит горящие факелы праздника, суету танцующих и пьяных горожан. И крупно – полный слёз взор Данте, это последний день его жизни... Его мог бы классно сыграть Годаберидзе. А почему бы и нет? Великий Ираклий Годаберидзе.

Есть же имена у людей, сразу понятно – артист. Имя Николай для артиста – очень «не очень». Мама, бывший врач, назвала так сына в честь знаменитого врача Николая Амосова, своего кумира, а сынок теперь обречён переживать всю жизнь. Так, не отвлекаемся. Великий Данте стоит у моря и плачет.

Мимо Кукурузина прошла толпа китайских туристов, каждый из них разговаривал друг с другом одновременно: достопримечательности Москвы их впечатлили.

Кукурузин остановился, чтобы пропустить китайцев вперёд и втянул носом воздух. Тепло, весна.

Опять пошла арифметика. «Семьсот лет назад поэт Данте Алигьери, – Данте, тоже имя подходящее для гения, его мама всё продумала, – написал «Божественную комедию», длинную поэтическую историю, про то, как к нему однажды явился древнеримский поэт Вергилий и предложил путешествие по Аду, Чистилищу и Раю: раз, два, три. И дальше – что и кого поэт там увидел. Телека не было, были поэты и их «сценарии», плюс воображение читателей – вот вам и сериал. Минус – мутноватая картинка. Но главное не это, а смысл. Ад и Рай – понятно. А Чистилище? Тот же ад, только помягче:

никакой свободы.»

– Чистилище... – Кукурузин засмеялся женским голосом, но тихонько, хоть никого поблизости и не было. – Переводчики это слово изобрели? Или Папа Римский?

Открывая дверь, сразу понятно, дома любимая или нет. Пока нет. Значит можно сразу в обуви на кухню, к кастрюле. Кукурузин с чувством вины за мокрые следы на паркете достаёт макаронину пальцами и ловит ртом. Маля забыла это посолить. Или соль кончилась? Соли нет. Назад на улицу.

Кукурузин молодецки выскочил из подъезда и мягко врезался в юношу, стоявшего на крыльце.

– Ох, пардон, парень... – произнёс Кукурузин и побежал к огням торгового центра.

На обратном пути в подъезде, под вопли консьержки, он увидел паренька, в которого врезался полчаса назад. Обычный, лет семнадцати, в джинсах с дырками на коленках. Стоит спокойно. Консьержка захлёбывается:

– Не пушу никуда, жди его, я тебе сказала! Приходят в подъезд, на людей не похожи, дырки не зашиты... почему тогда на заднице дырок нет? Пока не модно? А! А, вот он, – махнула ладонью на Кукурузина и смягчила голос, к артисту, всё-таки обращается, – к вам пришли, я не пускаю.

– Ты кто? – спросил Кукурузин подростка.

– Автограф ему небось нужен, – вставилась консьержка.

– Я Вергилий, – не обращая внимания на реплики посторонних, ответил парень.

Как бы ни устал Кукурузин сегодня от суеты, но сейчас он чётко услышал имя проводника поэта Данте. Ничего страшного, увлечённость темой. А на самом деле... фанат кино?

– Кто ты, я спрашиваю?

– С Кавказа, небось, – опять взялась помочь сторожуха.

– Вер-ги-лий. Слышал? «Божественная комедия»...

Консьержке не понравилась неясность ситуации:

– Может, полицию вызвать?

– Не надо. Это ко мне. Пошли, – кинул он парню, в голове было пусто, никакого подозрения. Но дойдя до лифта, захотелось всё-таки проверку провести. – Пошли пешком.

Двое затопали по лестнице на пятый этаж. «Зачем позвал?» – мелькнула усталая мысль.

– Ещё раз озвучь, – прохладно сказал артист незнакомцу.

– Вообще меня зовут Андрон, Дрон, а Вергилий это... вроде пароля.

Кукурузин остановился.

– Вы же пишете «Божественную»... номер два?

– Мальчик, – сказал Кукурузин, немного заволновавшись, но вспомнил свою роль следователя в прошлом сериале, – ты чекист?

Парень вдруг улыбнулся так просто и по-детски, что артист сериала почему-то почувствовал себя дураком.

– Нет... А настоящее имя Данте Алигьери было Дуранте. Мама его не подумала.

Уши Кукурузина напряглись от странной тишины вокруг.

Где звук шуруповёрта из 34-ой квартиры? В это время обычно они уже дома. А стук рэпа из 36-ой?

– Чего тебе надо-то, вундеркинд? – это были слова из позапрошлой роли Кукурузина.

– Я хотел поговорить с вами... на современном языке обо всём этом...

– Что... интересуешься?

– Просто у меня есть информация для вас. Вы же хотите стать звездой? – парень казался теперь постарше лет на пять. Он смотрел прямо в зрачки Кукурузина и туда, в зрачки, из глаз незнакомца словно из двух шлангов лилась невидимая сила. – Я тот самый. Это я Данте Алигьери водил в ад. И в рай.

– И в чистилище, – словно под гипнозом произнёс Кукурузин, и ему очень захотелось домой, спать. Хотя, откуда малец знает всё про мысли малоизвестного артиста?

А мальчик в драных джинсах и, между прочим, в модной новенькой худи с капюшоном ядовито-лимонного цвета, опять солнечно улыбнулся. Подозрительность Кукурузина с азартом вила гнездо на его голове. Но новоявленный Андрон произнёс очень по-дружески:

– С ума вы не сошли, – и добавил: – Милина уже вернулась домой. А нам с вами надо поговорить.

Наконец завершал шуруповёрт в 34-й квартире.

– Типа мне в ад пора? Или в рай? – Кукурузин чувствовал, что тупит, медленно продолжая подниматься по лестнице.

«Вергилий» следовал за ним.

– Я всё понимаю, вы не...

Кукурузин остановился и неожиданно для себя произнёс:

– А давай на ты?

Это тоже было из роли, но роли пижона Хромова, та самая реплика, из-за которой сегодня с утра делали три дубля: у Хромова никак не выходили эти слова героине Кулешовой. Из-за выражения лица Кукурузина сейчас тоже пересняли бы эпизод.

– Давай, – осмелел и незнакомец, – тебе правда неинтересно?

– Пока ничего интересного ты не сообщил, пацан, – это были слова, подходящие бандиту Глыбе, который угрожал герою Хромова. – И что-то мне подсказывает, что ты не в себе. Я не знаю, откуда ты знаешь, что я знаю про древнеримского Вергилия... Видел, что я книжку читал! На съёмках!.. Давай вали отсюда!

Режиссёр не подозревает, какую ошибку совершил, взяв на роль Глыбы кого-то другого! Но тут Вергилий так устал, вздохнул, так опустил плечи, так развернулся и так стал спускаться, что Кукурузин сказал:

– У меня жена дома, а кто ты... как сказать ей... Она же не знает, что я книжки пишу.

Андрон-Вергилий встрепенулся, словно птица и глянул, словно ангел, с улыбкой.

– А она меня не увидит! Ты видишь, а она не увидит!

Подозрительность решила забетонировать своё гнездо. Но вундеркинд, или кто он там был, снова опередил, прочитав мысль Кукурузина:

– Консьержке я захотел показаться и показался – это пустяки. Демонстрировал тебе разные варианты...

– Парень, слушай... – неожиданно для себя изрёк Кукурузин, – я жутко устал, пошли ко мне, разберёмся. Если что, морду я тебе и дома набить смогу.

Двое разулись в прихожей под присмотром двух кошек, Песенки и ПирОжки, и прошли в большую студию. Здесь было уютно и художественно. На стене висела огромная яркая картина, изображавшая, видимо, море, смешавшееся с небом, под картиной – огромный ярко-синий диван, а у окна, которое было стеклянной стеной от пола, в ряд стояли три манекена в платьях, утыканных булавками. Милина была дизайнером одежды. А в данную минуту она пела на кухне, видимо, готовила ужин. Да, вот её голос:

– Мурзик, это ты? Представляешь, соли нет. Сейчас будем чай пить. Или сначала кое-что получше?

Кукурузин и Вергилий посмотрели друг на друга. Кукурузин взглянул на Вергилия как разъярённый барс, а молодой чуть не прыснул. Тут Кукурузин вдруг схватил парня за локоть, зачем-то дёрнул, но они оба неожиданно поскользнулись и в секунду оказались на полу. В следующую секунду Милина высунула очаровательную рыжую головку из кухни:

– Мурзик! О... – голосок её стал игривым, – Кукурузин,

ты хочешь на полу?

Никто не успел двинуться с места, как Маля оказалась на Кукурузине, нежно куснула мочку его уха зубками и начала, словно кошка лизать ему шею, помуркивая вдобавок. Кукурузин покосился на гостя, который лежал рядом на полу, и корчился от смеха. А встать он не мог, потому что «Мурзик» продолжал крепко держать его за рукав модной жёлтой худи. Между судорогами смеха юный Вергилий произнёс:

– Она меня не видит... и не слышит...

Кукурузин опомнился:

– Маля, встань, мне щекотно.

Маля не маленькая девчонка, ей уже тридцать. Она, не обижаясь, нежно хлопнув Кукурузина по лбу, встаёт, идёт на кухню:

– Ок, забей! На голодный желудок и правда не очень, – и она заливисто захохотала всеми колокольчиками. – Ты ужинал?

– Что это за куклы? – спросил гость.

– Это манекены... Она платья шьёт...

– Ты будешь ужинать? – Маля музыкально прокричала из кухни.

– Э... да... нет... давай потом! – Кукурузин встал с пола, глядя на залётного Вергилия: она и правда не видит этого? Тот опять лыбится:

– Иди поешь.

Маля кокетливо выглянула из кухни.

– А чего ты сам с собой разговариваешь? А со мной нет? – и опять её голос послышался с кухни нараспев: – Пошла резать сала-а-ат! Вкусно-о-о!

Кукурузин отер лицо ладонью. Стало душно.

– Так. И что дальше-то?

Вергилий-Андрон повис на плече одного из манекенов:

– Ты примешь информацию.

Маля взяла высокую ноту.

– Господи, я заболел, – заметался Кукурузин, – мне надо к маме. Вергилию, после раздумья:

– Слушай, а не пошёл бы ты...

– Там, где Данте жил, в Равенне, там моря нет.

Кукурузин сдался.

– Выйдем, поговорим за дверью что ли.... или нет..

Кошки провожали их взглядом, пока дверь не захлопнулась.

Эпизод 2

Не верите в реинкарнации? Значит, верите в одноразовые компьютеры?

Кукурузин был хорошим человеком с чувством ответственности и совестью, поэтому, когда они с гостем вышли на улицу, он позвонил Мале и сообщил, что к ужину будет, что соль куплена, лежит в прихожей, и что ещё надо прикупить. А Дрону, как теперь он звал встреченного час назад юношу, он предложил пойти в кафе. По пути в кафе Кукурузин продолжил раздражаться, потому что неясность вечера стала навязчивой.

– Так ... чистилище... Ну ад, ну рай, а это зачем? Придумали сортировку, чтобы народом управлять.... А поэты верили, толстые книжки писали...

Двое шли через парк, хрустя льдом на редких лужах.

– Слушай, Николай ... так тебя все зовут?

– Кроме Мали, – Кукурузин поморщился от своего имени, – но Мурзиком ты меня звать не посмеешь.

– Понимаешь... Я тут не просто так... И у меня не вагон времени.

– Ок, я тебе помогу, потому что ты мне уже надоел. Докладывай. Прямо в яблочко.

– Хорошо. Человечество развивается, но находится как

бы ещё в детсадовском возрасте...

– Это философы через одного констатируют.

– То есть ты согласен, что вы не всё понимаете? Вот вы все, – тут Дрон оглядел прохожих.

– Дальше.

– Вы... ты хотя бы способен допустить, что всё реально, что у вас фантастикой или мистикой считается?

– Прямо всё? – ехидно засмеялся артист, начиная подмерзать.

– Да вы... больше пяти тысяч лет носите только с одним фрагментом физики! – Впервые за час знакомства римский поэт вышел из себя. – Вы вообще ничего не знаете! Чего вы творите!.. Вы спите на ходу! А ваши мысли, тем не менее, материализуются, потому что физику никто не отменял ни в каких вопросах жизни, ни в мыслях, ни в чувствах, в том числе... Вот зачем я тут нарисовался, как вы говорите!.. Такого напортачили!..

– Стоп, по порядку, – попросил по-учительски Кукурузин. – Все мысли материализуются? Мысли всех людей что ли?

– Ну да! – Дрон рассердился. – Таких простых вещей не выяснили до сих пор?! Генетика у них... Электроника! Над вами вся Галактика ржёт!

Кукурузин забыл про кафе. Он остановился.

– Галактика?.. Нас что видно?

– Видно, видно! Как на ладони. Как рыб в воде. А рыбы,

заметь, людей на берегу не видят.

– Голова, как утюг, нагрелась за последний час... Ты можешь толком объяснить, ты кто?

– Я тебе уже докладывал.

– Окей! Ты – поэт Древнего Рима Вергилий и показывал Данте Алигьери ад и рай. Так? Типа реально?

– Ну, да, я пришёл к нему во сне, а теперь пришёл к тебе... наяву.

– А я не поэт, не знаешь? Я актёришка!.. Я тебе зачем?

– Я пришёл к Алигьери потому, что тогда только он мог понять, увидеть и сообщить, а теперь вот... ты. Ты можешь понять.

Кукурузин выдал смешок:

– Что понять, что есть ад и рай? Кому это нужно, чего ты ко мне прицепился!

– Видишь ли... В четырнадцатом веке понимали мироустройство так, а теперь можно и нужно понимать так, как есть на самом деле, время пришло. Ну, неужели тебе не интересно?

– Слушай, друг... – Кукурузину вдруг стало жаль парня. – У меня съёмка завтра, с утра...

Но из-под капюшона Дрона на Кукурузина смотрели такие глаза, что тот улыбнулся впервые за этот безумный день.

– Идём. Кофе или чаю горяченького? Ты почему без куртки? Мокасины на голую ногу...

И он открыл дверь в кафе. Двое уселись за столик у окна,

уютно поёживаясь в тёплых парах выпечки и аромата кофе.

– В общем, мне конечно интересно, как всё устроено... Можешь рассказать? Что, со смертью всё кончается или как? Я, кстати, думал: столько навязывают в жизни, а за фига, если ты одноразовый? И я что, весну увижу только семьдесят раз и больше никогда?...

Последнюю фразу Кукурузин сказал внутрь себя. Дрон обхватил ладонями чашку с чаем и бросил взгляд на экран телевизора, на котором эстрадная певица, исполняя песню, словно бы безуспешно пыталась снять с себя одежду, то есть трусы с перьями и топ в блёстках:

– Вот вы и живёте все, в основном, как одноразовые... Бр-р! А знаешь, на что на самом деле ваша жизнь похожа? Как будто вы взяли часы за сто тысяч баксов и забиваете ими гвозди.

– Не понял... кто, какие часы...

– Люди! Все! Вы очень сложные супер-био-компьютеры, а делаете... вон, смотри!

За соседним столиком сидел явно спившийся человек в засаленном свитере и собирался упасть лицом вперёд.

– А теперь опять посмотри на него, – и Дрон щёлкнул пальцами.

Кукурузин повернулся и ... оказался в компьютерной графике какого-нибудь крутого фильма! ВНУТРИ графики!.. Всё вокруг, все люди в кафе и каждый предмет, слегка мерцающая каждая своим оттенком, имели вокруг себя некую гео-

метрическую конфигурацию из пересекающихся светящихся лучей, которая пульсировала светом и цветом. Вокруг пьяницы тоже было это, но цвета его «конструкции» явно были затемнены, а лучи больше напоминали бурые водоросли.

– Ни фиги себе... – и это всё, что мог на этот момент произнести рождающийся писатель.

Дрон щёлкнул пальцами и отпил из чашки. Всё приняло обычный вид. Кукурузин теперь смотрел на юного волшебника, как туристы в первый раз на пирамиду Хеопса.

– Что? Не показалось. Можем повторить. Но времени у меня на твоё удивление нет, пойми, – заявил парень.

– Это что, типа ауры? – слегка ожил Кукурузин, пытаясь щёлкнуть пальцами, а Дрон вздохнул.

– Слушай, или вы так и останетесь пещерными обитателями лет на десять... тысяч... если не умрёте от мусора. Или... Ты примешь инфу, усвоишь её, напишешь книжку, прославишься, раскрутишься, начнёшь получать свои миллионы денег, а люди, наконец, выйдут из спячки! Мы тоже... план должны выполнять.

Последняя фраза была вроде смешка.

– Что, прямо все смогут прозреть? – заметил артист не без встречного смешка. – Мне не хотелось бы тебя расстраивать, но обольщаться не стоит.

– Я не совсем спятил, все не проснутся. У меня лично план на несколько сот человек, поверь, это огромная сила...

– Ух ты! Это что, от меня, что ли зависит спасение мира?! – развеселился Кукурузин, – прямо как в американском кино.

– Ещё раз, – начал закипать Вергилий, – я поэту Алигьери дал базу информации, а он уже, как поэт, это всё для читателей расписал. Теперь тебе нужна база, только уже с вашими терминами...

– Хорошо, давай ты сейчас «выключишь чайник» и продолжишь спокойно, – предложил артист, подумав о том, что Маля скоро начнёт ему названивать.

– В общем... – вздохнул Дрон, – я же тебе только что показал. Все вы, всё в вашем мире, и вещи, и живые существа, и вообще всё во вселенных – есть энергия, такие поля. Человек, к примеру, это целая система полей, если очень упрощать.

– Стоп, – прервал Кукурузин, – у меня не одно биополе? Набор?

– Общее поле-то одно, но оно состоит из семи. Это не просто поля, как вы понимаете, это... как тела, пойми, – в тоне парнишки улавливалась просьба.

«Умоляет, как первоклашку. Неужели я такой тупой?», – мелькнуло у артиста, но писатель «по-деловому» прокашлялся:

– И? А для чего мне столько добра?

– Вот! – обрадовался Дрон, – Они тебе, в том числе, для бессмертия!

Кукурузин откровенно не оценил того, что услышал, и это было заметно невооружённым глазом. Он на секунду подумал, что он и правда, просто средний артист, с задатками комика в лучшем случае, просто «соя». А писатель? Может, тоже так себе или просто надо начать работать в стиле фэнтези? Кто его знает, может, и Данте тупил поначалу?

– Типа бессмертие, – спросил Кукурузин механически.

– Люди бессмертны, животные и всё вообще.

– Я в курсе, мать писала, – шутил Кукурузин кисло, – Все идут в ад-рай.

– Не ищите, нет такого, как в книжке написано, – хмыкнул Дрон. – После смерти тут, в этом измерении, человек продолжает существовать ТАМ, в следующем измерении. И этих измерений не два и не три. Любите всё ограничивать. Сами же мучаетесь. Пора прозреть и убедиться.

Кукурузин взмолился:

– Ещё раз мне можешь повторить? ЧЕМ человек там в другом измерении продолжает существовать, я не понял? Тело же тут...

– Для этой жизни одно тело, вот это, – запросто вещал проводник, указывая пальцем в свитер артиста. – А по ту сторону – твоё тело из другой энергии-материи, понимаешь? Там ты выглядишь так же, как и тут... почти, просто там тип материи, из которой всё состоит, другой.

– Прозрачное, что ли?

– Нет, выглядит таким же... Вот как ты думаешь, в каком

теле я с Данте Алигьери путешествовал в другое измерение? А он со мной? Между прочим, он, из плоти и крови, в это время спал на своей кровати.

Кукурузин молчал, потом произнёс:

– Господи.

– Ты чего, не радуешься бессмертию? – вдруг во взоре ангела в лимонном худи зажглась почти ярость. – Выдумали старуху с косою, а расстаться никак? С этой протухшей иллюзией? А может, собраться с духом, наконец, и разобраться? Фактов-то миллионы! Их прячут, затыкают по щелям, чтобы только не просочилось!

– Ну, скажи честно, что, ТАМ лучше? – Кукурузин решил разобраться. Из-под капюшона худи слышалась неподдельная горечь.

– Да, там легче, – вдруг Дрон встал, – я зря тебе рассказал, прости...

И он пошёл к выходу. Кукурузин нагнал Дрона в парке.

– Дрон, подожди, чего вскочил?

– Да не готовы люди... даже ты! – Парень свернул на тропинку, совершенно скрытую во тьме, где их никто ни видеть, ни услышать не мог. – Вы настолько смирились, вроде овец, со всем, что с вами творится! Вы же это и сотворили, своё рабство и в нём пребываете, и делаете вид, что это жизнь! ЭТО?! Ты можешь объяснить, чего вы толчётесь тут семьдесят вёсен на каждого? Испытывать удовольствия от низких до средних? Имеете право. Но дальше-то ЧТО?! Этого вы

знать не желаете, как ... хомяки!

Кукурузину удалось остановить Дрона, взяв его за плечи. Они не замечали, что стоят в подтаявшей луже. Вдруг Кукурузин почувствовал некую силу, которая наполнила его лёгкие чем-то таким приятным, расслабляющим, манящим к свободе, что он теперь, непонятно по какой причине, хотел сейчас больше всего на свете слушать этого незнакомца. Что-то он там интересное про миллионы денег сказал?

– Успокойся, слышишь? Можешь спокойно? Объясни с другой точки, ещё раз... давай.

– С другой точки? – успокаиваясь, по-детски произнёс Дрон.

– Согласись, я увидел сегодня разные настоящие чудесные вещи: твою невидимость, мысли мои читал... и теперь убеждать? Объяснись, я буду слушать.

– У тебя завтра с утра съёмка, – неуверенность переходила в дружбу.

– Но мне жуть интересно, правда, – Кукурузин говорил всерьёз. – И ты правильно сделал, что всё наглядно показал, иначе бы я тебя за чокнутого принял. Давай. Надо продолжить, я ведь должен всё это в книжке написать.

В почти кромешной тьме Кукурузин разглядел Вергилиев в зор.

Тот глядел на парковое озеро, и оно отражалось в его глазах мерцающей влагой и печалью. Оба продолжали стоять в луже.

– Маля твоя из себя выходит. Давай завтра!

– Стой, последний вопрос, – Кукурузин придержал Дрона за рукав, – ты там про Галактику что-то... Типа, мы не одни во Вселенной?

Дрон выдержал паузу. Режиссёр похвалил бы.

– Да, есть, к примеру, Совет Галактики... Ты думаешь, что только у вас тут разные организации есть? Вроде как это вы их изобрели? Ладно, пока... Я тебя найду.

И грустный Дрон скрылся во тьме.

Маля принимала клиентку, Ангелину Ивановну, даму за семьдесят, бывшую секретаршу партийного босса, театралку. Маля и Кукурузин заметили, что когда она страшно боится быть уколотой булавкой, но выдавать страх не хочет, она пытается напевать что-нибудь. Когда Кукурузин вошёл, она тихо допевала песню из кинофильма «Кавказская пленница», вернее, сурово довывала:

– «...трутся зимой медведи о земную о-о-ось!» Милиночка, почему у вашей кошки такое странное имя?

– ПирОжка? Так взяли крошечным котёнком, назвали Пирожком, а выросла девочка, – Маля подкалывала длину вечернего платья прямо на Ангелине Ивановне.

Мале пришлось взять паузу, потому что театралка неожиданно захохотала, и это было похоже на ритмично сдувающийся воздушный шар. – Так позабавила её история кошачьего имени.

Во время хохота клиентки Маля успела красиво выложить

на тарелку горячую картошку, салат и котлетку, чмокнула Кукурузина и вернулась к старушке.

За огромным окном, словно брошка в бриллиантах огоньках блестел мегаполис Москва. Сто лет назад это был небольшой город с небольшим количеством газовых фонарей, без асфальта, с курятниками во многих дворах и настоящей тишиной по ночам.

Всего сто лет. Сто вёсен.

Эпизод 3

Не верите, что земляне не одиноки во Вселенной?

То есть, совсем не верите в соседей? Они об этом знают?

А ваш психиатр?

Весна резко набирала обороты, заметно потеплело, даже почки лопнули, и по-настоящему запахло новым годом, не то что в январе: кроме календаря, никто ничего очевидного не замечает. С утра на съёмках артистка Саморина закатаила скандал: гримёрша накручивала ей волосы и нечаянно сожгла прядь. Конечно, обидно, но ведь нечаянно. Все обрадовались: добавилось двадцать минут на кофе.

Кукурузин был более рассеян, чем обычно. Когда явится новый знакомый, и явится ли? Накопились вопросы...

– Кукурузин, у вас сегодня сцена будет в подвале, там вода, вот сапоги, – помощница режиссёра – молодец: всегда спокойна. И не подозревая, что Галактика её видит.

Дрон не появился и на следующей неделе. Кукурузин в

выходной от съёмок день решил поработать, подшлифовать финальную главу своей законченной книжки «Полночный обед», но почему-то открыл файл с «Божественной комедией – два» и вдруг чётко осознал, что надо писать про себя, про это всё, что с ним произошло, да! Пусть будет фантастика, не важно.

Он решительно удалил старый файл с тремя главами. В них содержалась переделанная правда про жизнь Данте Алигьери. А новая информация? Её нет теперь! Вергилий испарился, наверное, с концами...

В другой выходной Кукурузин с утра поехал к маме. Бывший врач Наталья Васильевна Кукурузина жила в дачном посёлке Сосновка, среди сосен и относительной тишины. Летом бывает шумно – колобродят соседи-дачники, а зимой хорошо, тихо. Весной опять: уборки на участках, мангальный дух и вездесущий дым костров.

Мама живёт здесь одна, но сыновья навещают её регулярно. Да, у артиста Кукурузина есть младший брат Антон, шестнадцати лет, живёт со своим отцом в Москве. Мама не раз поднимала вопрос: сыну лучше жить с матерью. Но Отец Антона аргументировал отсутствием школы в дебрях Сосновки. Зато снега тут пока полно, не то что в городе.

– Мама!

Ботинки Кукурузин поставил на коврик, чтобы стекала грязь, всё, как мама любит – больничная чистота.

– Коленька, сынок! А я как раз блинчиков напекла, Мас-

ленница же. Проходи. Хоть бы почаще с Милиной приезжал, а то всё один... У вас всё хорошо? Антошу видел?

– Видел, мам, и фингал его видел.

Антон подрался с одноклассником, но мама быстро залечила младшенького.

– Его отец нормальный человек, всё понимает, и они хорошо живут... Антоша приезжает чаще, чем ты.

– Мам... скучать успеваешь?

– Нет, что ты! Вы у меня хорошие дети, просто чудо!

По скатерти разливался тёплый свет от абажура, золотилась стопка блинов, сияла белизной сметана, рубинами – вишнёвое варенье, и янтарём крепкий чай в чашке.

– Мне здесь хорошо, – говорила Наталья, глядя в окно на заснеженный двор, – тут тихо, тепло и вы молодцы, мои мужчины, что понимаете меня и помогаете мне... С Антошей мне стало сложно, хоть я и обожаю его. Как и тебя, родной мой.

– Мам, не переживай, – говорил Кукурузин с набитым ртом. – До пятнадцати лет ты его нянчила. На совесть. Теперь пусть его папаша дорастивает. Оба же рады.

– Да-да, Коленька, – кивала докторша, – теперь вот так живём... Антоша всё подробно рассказывает, и про свою комнату, и одежда у него вся хорошая, и они вдвоём с отцом ездили на его работу, отец ему там всё показывал, все эти дорогие машины, и как их продавать.

– Я знаю. Он Антохе и велик купил классный.

– Только скажи ему еще раз, пусть мотоцикл не думают покупать! – встрепетнулась Наталья, слегка хлопнув ладошкой по столу.

– Ладно, мамуль, я проконтролирую, – чмокнул мать Кукурузин. – Маля велела тебе передать, чтобы я тебя в гости привёз.

– Ой, спасибо, я приеду! Она такая приятная, твоя Милина, прямо меня к ней тянет, как к подружке, – засмеялась Наталья, обнимая сына.

– Ну и едем сейчас, я поел, поехали к нам, собирайся! – встал из-за стола Кукурузин.

– Как, прямо так? Сейчас?

Маля встретила их как всегда, с искренней озорной радостью, усадила сначала за свой фирменный картофельный суп, подала пироги с зеленью, салат с домашним майонезом, – всё по первому классу. А после, когда накормленная и восхищённая докторша была усажена на синий диван под огромной картиной, Маля взялась за дело:

– Наталья Васильевна, надо вас приодеть, а? Ведь вам всего-то ничего лет, а одеваетесь... не думаете.

Докторша зарделась.

– Ой, как приятно... Я всего год на пенсии... не старая же, правда! Я с удовольствием, но боюсь, ничего не понимаю в современных взглядах на моду. Отстала!

Мале только того и надо. Она подлетела к сундуку, украшенному декупажем, выдернула оттуда кусок ткани и стала

наматывать и закалывать его на пуствовавшем манекене.

– Вот такая расцветка вам как? Наталья Васильевна, давно хотела вам сказать, – Маля согнала с дивана кошку Песенку, которая уже нежно запустила когти-кинжалы в гостью, – зачем вы коленки показываете?

– А что?

– Ведь они состоят из пятнадцати шишек. Кто-то верно подметил! Некрасиво. Длина будет вот здесь.

И три с половиной (манекен) женщины занялись творчеством под надзором двух женщин-кошек, а Кукурузин, дочерпав ложкой салат, подошёл к окну.

Последние слова Дрона были: «Я тебя найду.» Когда ты меня найдёшь? Я уже набросал примерный план книжки, по-новому... Вот ведь какие разные бывают люди! Одним интересно по-новому выглядеть в новом платье, другим до жути интересна новая информация. Есть и те, которым интересно и то, и другое, и те, кому оба пункта до фени.

И ведь прав этот Дрон! На жизнь людей можно посмотреть и с другой точки зрения: бегание муравьёв по прогрызаным дорожкам! Дорожки разделены на престижные и лузерные. Ни на тех, ни на других мало чего есть надёжного. Рушится и там, и там. Суета и там, и там. Счастье? Богатые тоже плачут. Вернее так: бедные плачут, а богатые рыдают. И действительно, для чего это колесо? На тренажёр похоже.

А дорожки кто протоптал, сами человеки, ведомые своими страстями? Но ведь жанр фантастики может допустить,

что эти дорожки, к примеру, созданы взвешенным разумом, и все остальные направления им же заблокированы. Где-то такое уже мелькало в голливудском кино.

Для чего был Леонардо? Зачем Достоевский маялся? Пётр строил, Коперник рисковал, великомученники страдали? Для эволюции общества в целом? Честно, кому она нужна? Да и происходит ли эволюция? Или только технический прогресс... Ясно одно и всем: любому человеку нужно счастье в его коротенькой одноразовой жизни или хотя бы временами периоды радости.

Что-то тут... не всё так просто, нет. И не таков он, Кукурузин, чтобы не заподозрить совершенно другого мироустройства, в котором будет хоть наполовину ясен смысл существования! Ведь для этого он написал «Полночный обед» и начал «Божественную комедию – два». Потому-то и парнишка с того света к нему пришёл.

А что странного в том, что всё устроено иначе, чем кажется? Изнанка вышивки выглядит хаосом, но это же та самая работа, что с другой стороны являет миру вышитые узоры!.. Надо записать. Кукурузин рванулся к ноутбуку и наткнулся на Дрона. Тот стоял около холодильника, как тут и был.

– Ну, брат... Неожиданно. Ты что, и через стенки можешь ходить?... – только и сказал очень обрадованный Кукурузин.

Дрон лукаво ухмыльнулся:

– Говоришь, как бабка старая. Пойдём, погуляем.

Двое неслись ветром по вечерней Москве, которая прихо-

рашивалась после зимнего сна. По пути неизвестно куда Кукурузин успел узнать, что, конечно, жизни свои люди живут не зря и не зря мучаются. Эволюция всё-таки происходит и оказывается, можно заметить результаты пока живёшь.

– Стой, Дрон, – они остановились возле стены какого-то дома. – Ещё раз про бессмертие. Можешь коротко? Ты же поэт.

Последние пара слов произнесены с широчайшей улыбкой. Почему так получилось, что ни один режиссёр не заметил, ни один не знает, что артист Кукурузин обладает ТАКОЙ улыбкой?! И это не снято??

– Коротко... – замялся Дрон, – Ладно, только надо же как-то так объяснять, чтобы лишнюю информацию не выложить...

– Лишнюю? Не понял...

– Лишней является инфа, которая преждевременна, – отчеканил юнец. – Я должен учитывать ваши нелепые представления: вот папа, вот мама, а там за шкафом бабай, инопланетян нет, после смерти ничего нет, а Бог на облаке сидит. На таком уровне. С такими-то представлениями хотите перед своими детьми умными выглядеть? Смех. Однако, самое время взрослеть и получить новый пакет информации. И не забывай, что я не с тобой с одним вожусь, план у меня, я говорил. Да, да. Что, не слыхал закон Вселенной? Она расширяется? Всё расширяется! И тогда был один Данте, а теперь несколько. По всей планете. Шок?

Проехавший мимо троллейбус вернул Кукурузина в реальность улицы в городе Москва.

– Я переварю... Можешь ещё разок про бессмертие?

Дрон вышел из секундной задумчивости.

– Давай... ладно, коротко, – согласился Дрон. – Это измерение ваше. По номеру Четвёртое: длина, ширина, высота и время. Но ты же должен понимать, что есть Первое, Второе и Третье? Так и Пятое есть! И дальше! С добавляющимися параметрами? Чего вы ограничиваете божественную гениальность мира, а? И Нулевое есть, представь! Это Исток Всего или лучше сказать – Сердцевина... Бога, как вы тут говорите.

– Спокойно, не вскипай опять, я тебя слушаю, и, – артист, оглянувшись, значительно снизил голос, – значит, после смерти народ не помирает? Так? Но про это тут ничего неизвестно, да?

Дрон вздохнул, спрятал руки в обширном набрюшном кармане худи.

– Известно, но двум процентам землян. Это не обитатели психушек. Один процент – просто знают, а другой – знают и молча пользуются.

– Оба. Интересно, пользуются как? – Кукурузин твёрдо решил всё выяснить. «Либо всё-таки шиза, либо... правда? Тогда каким образом он на кухне появился?» – В Москве есть хоть один такой... пользователь знаниями?

– Несколько есть, – у Дрона промелькнуло подобие улыбки.

– Познакомишь?

Тут руки римского поэта выскочили из кармана худи, начали двигаться, и он затараторил:

– Давай всё по порядку. Могу опять за пару минут, принимай информацию! Как любое тело состоит из молекул, так Вселенная – из существ. Разных. Из людей тоже. И это всё, эти существа, и Вселенная не умирают. Не ясно? Это у вас болезнь какая-то... – Дрон оглядел редких прохожих на другой стороне улицы и вдруг вскинул руку-указку к знаку пешеходного перехода. – Вот, переход!.. Ну, представь же, наконец, и запомни: ПЕ-РЕ-ХО-ДЫ! Существуют только переходы в разные измерения Вселенной, в разные миры, которых нет числа! Пойми, нет числа!

– Ты говорил, что в каждом таком мире у меня есть я, – без вопроса произнёс Кукурузин.

– Ну да, в разных мирах разная частота колебаний частиц, из которых всё сделано. То есть, виды материи бывают разные и их столько, сколько миров, а?! Чудо. Ты же в доме сапоги с улицы снимаешь? Пальто? Дома в пижаму влезает? Перемена внешнего, а Суть не меняется! У вас есть все аналоги общей системы, старик, только надо думать, шевелить мозгом... Но вас же в школе сразу упаковывают в ячейки...

– В ячейки? – Кукурузин был похож на взъерошенного воробья, – а кто это меня упаковывает?

– Матрица, чувак. – Дрон сунул обе руки в карманы джинсов. – Я же не кофе с тобой пить явился.

– Матрица... фильм есть такой... – бормотал Кукурузин, но его мозг судорожно «вращал шары» в каком-то экстазе первооткрывателя и дежавю в одном флаконе.

– В этом фильме ноль инфы. Очередная тупая качественная техническая поделка. Вот так реальная Матрица и работает. Пошли, покажу. Чего встал? Пошли ко мне. Вон тот дом.

И двое почти побежали.

– Умный ты, – артист дышал как на беговой дорожке. – А вот можешь сказать, почему меня в кино редко снимают?

– Могу. Это одна из причин моего появления, – ответы на вопросы.

– Ух ты, колись, – прыгал через лужи Кукурузин.

– Я пришёл тебя освободить, потому что ты раб.

– Раб? Смешно! Чей раб?

Дрон остановился.

– Ты раб Матрицы.

– Слушай, какой ещё на хрен матрицы?

– Скоро узнаешь. Уже пришли, вон моё окошко.

– Эй, поэт с неба, у тебя хата в Москве есть?

– Мне хата не нужна, – на лету к подъезду сообщил Дрон, – у меня комната в коммуналке. Потому что мне нужны образцы разных аур людей вокруг меня.

«Образцы» коммуналки не помедлили с появлением, потому что Дрон хлопнул дверью изо всех сил, специально, и три раза.

– Вот они, – по-деловому констатировал поэт, бесцеремонно указывая пальцем по порядку на каждого из жильцов. – Учительша, алкаш, кассирша, библиотекарь и спортсмен.

Последнему Дрон постучал в дверь, но кассирша констатировала:

– Он на соревнованиях.

– Политика не хватает, – сообразил Кукурузин.

– Политик мне не нужен. У них всё проще, чем у других.

Алкаш зашёлся довольным прокуренным сиплым гоготом.

– А... какой-нибудь технарь?

– Вот, Виктор Евгеньевич, алкаш, бывший старший технолог завода.

Алкаш молчал. Учительница и библиотекарь закрыли за собой свою дверь.

– Еврея не хватает, – с улыбкой предположил Кукурузин.

Алкаш ожил.

– Так детдомовка!.. Королева Марго!.. – и начал плясать перед закрытой дверью, грубо покрашенной зелёной краской с приклеенной картонной короной из кафе «Бургер кинг».

– Пошли, – и Дрон увлёк артиста вглубь коридора.

Дрон похрустел ключом, и они вошли в крошечную тьму.

– Захлопни дверь, артист, и стой там. Сейчас.

Но зажглась не люстра под потолком, как ожидал Кукурузин и ожидал бы любой из людей. Во тьме комнаты, во

всю её высоту три двадцать и ширину четыре метра, вспыхнул ослепительно синий экран, немного наклонённый, словно крышка гигантского ноутбука!.. От потолка до пола!

Перед экраном торчал единственный стул – вращающееся сиденье на шесте.

– Садись, – указал на этот стул Дрон, – я обычно стою.

– Это... чего такое? – только и смог пролепетать артист Кукурузин.

Эпизод

4

Не верите в Бога? А в себя? Значит, верите в «Почту России».

Дрон захихикал. Впервые за время знакомства.

– Это мой комп, круто? – Он хвалился по-мальчишески. –

Ладно, поехали.

И поэт взмахнул руками. На экране поплыли великолепные виды Земли – горы, моря, реки, водопады...

Кукурузин вдруг подумал: как же красива планета... без людей!

Дрон продолжал самодовольно улыбаться.

– Видишь, без «мышки» вашей допотопной работает, без чёрных макарон ваших проводов, пылесборников. Эх, вы ещё такие допотопные! – и он опять слегка взмахнул рукой, – Экран тут плоский, конечно, хотя по Вселенной никто с плоскими экранами не работает. Если надо, – просто делается голограмма в воздухе. Любого масштаба. От спичечного коробка до города. Или голограмма в голове собеседника. Но голограммы тоже есть разные: когда техническими средствами делается и когда естественными человеческими способностями...

Экран стал показывать какие-то геометрические фигуры,

крутящиеся в воздухе, разноцветные волны, исходящие от них, расцветающие шары из звёзд, как первомайский салют. Фигуры словно обменивались своими цветными «облаками» друг с другом. Иногда мелькали целые картины из символов, напоминающие рисунки знаменитых кругов на полях. И ещё много такого, чего Кукурузин, земной житель, не смог бы описать.

– Это – текст... Ну у вас буквы. А это – межгалактический язык, Язык Света, Изначальный, – улыбка Дрона напоминала улыбку Джоконды, – вообще, эта штука – экран и эти изображения – это я для тебя делаю... Мне это ни к чему. Я нужную информацию по-другому добываю.

Кукурузин чувствовал себя на стуле-грибе, как аист в гнезде на шесте. Ворох вопросов – как кляп во рту.

– Ты вдохни поглубже, – понял его Дрон, – и выдохни... Ещё раз. Теперь спрашивай всё. Подряд. Не обдумывая. Давай!

И понеслось.

– Э-э... Вселенная... это...

– То, что вы, четырёхмерные существа, видите в телескопы, это Четырёхмерная Вселенная: длина, ширина, высота и время. Заметь: линейное время. Но во Вселенной тринадцать измерений, то есть, как минимум, тринадцать Вселенных в одной. И это не предел. Она же расширяется.

– А что, время нелинейно?

– Чувак, оно сферично, по крайней мере. Хотя бы это уяс-

ни. Но в вашем сознании – линейно. Поэтому у вас есть прошлое, настоящее и будущее. Линия. Но эта линия на самом деле – отрезок спирали, которая скручивается в тор... у которого нет начала и конца. Тор – это и есть форма Вселенной... Ну и это тоже не всё. Ладно, прости. Дальше давай.

– Ты говоришь измерения...

– Измерения СОЗНАНИЯ, ну, как бы уровни восприятия. В этой Вселенной тринадцать измерений и заметь, ВСЕ они обитаемы. Жизнь кипит повсюду! Если бы вы только её увидели, повысив свои вибрации по шкале Шумана!

Дрон захохотал так, что, наверное, учительша и библиотекарь за стеной недовольно переглянулись. Но юнец веселился, размахивая руками:

– Луна, Марс, Венера, Юпитер, Нептун, Сатурн – кипят жизнью!.. Да что они? Солнце обитаемо в высших измерениях! А как же иначе, старик!.. Да что Солнце? Звёзды, созвездия! Орион! Великий Сириус!.. И ваши предки это знали, потому что тогда Матрица не была так сильна, и у людей не спала половина головы! Они были почти все – левши, то есть тогда цивилизации строили люди, у которых было главным правое полушарие, а не левое, как сейчас у вас – машинами жизнь задушили... Человек не пальцем создан! Физический человек – это биокомпьютер для Четвёртого измерения, поймёшь ты или нет, наконец!..

Кукурузин ошалело смотрел на огромный экран, который являл такие картины, что фантазии землян казались плос-

кими детскими книжками-раскрасками. Картины мелькали, сменяли одна другую, а волосы на голове артиста медленно поднимались, как примятая трава. Дрон продолжал:

– Многие миры разных измерений населяют люди, и другие существа, есть и такие, что очень хорошо известны вам, потому что в несколько упрощённом варианте живут рядом с вами веками... А вы ищете контакта, глядя куда-то в железные трубы!..

– А... как? – только и выдавил Кукурузин, но Дрон считал весь вопрос и взмахом руки вызвал на экране иллюстрации своих слов.

– Я же тебе уже сказал как: люди в четвёртом измерении – как бы плотнее, переходите в пятое – вы более лёгкие, хотя... видите там друг друга такими же, как ты меня сейчас! Вспомни, во сне ты же себе не кажешься прозрачным и другие тоже? Так во сне люди одной ногой в более «тонком» измерении, тело-то их физическое четырёхмерное на кровати спит...

– Ну, – Кукурузин и сейчас своё тело не чувствовал, только мысли.

– А если оно валяется на кровати, то кто тогда во сне ходит, ездит, летает вместо твоего тела? Другое твоё тело, пойми ты! И все тела, и физическое, это типа голограммы из энергии – сплетены из полей разной плотности и разных видов энергии... Пейзажи, предметы и существа любого измерения – вроде голограмм... просто смена голограмм при пе-

реходах, а не смерть насовсем. Человек многомерен, животные, птицы!

– И рыбы?

– Даже вирусы, друг! У них – своё сознание, коллективное, и весьма разумное. Разные типы сознаний...

– Я понял, понял... Значит, все существа развиваются, переходя из измерения в измерение?

– Именно, друг!.. Только не обязательно развитие происходит из нижних в верхние, понимаешь? Иногда надо пройти тяжёлые миры, СПУСТИВШИСЬ В НИХ, чтобы подняться выше!

В глазах юноши вдруг встала ... слеза? Но Дрон улыбался. Кукурузин заподозрил, что Дрон говорит о себе, таких, как он. Писатель неожиданно почувствовал глубину и тайну своего нового знакомого.

– Ага, – произнёс Кукурузин, пытаясь осмыслить то, что пока не осмысливалось, – по-моему, всё познать очень трудно, невозможно...

В это время в стенку постучали со стороны алкаша Виктора Евгеньевича. Стучали, видимо, ногой. Дрон и ухом не повёл.

– Не надо получать информацию, она в тебе уже есть, просто активировать её и всё. Всё очень просто. Каждое существо – сгусток информации или лучше сказать – информационная структура, биополе ваше. Причём, информация у каждого – не только о себе. В каждой вашей молекуле ДНК

– инфа всей Вселенной, – тараторил пришелец.

– Это очень просто, – словно во сне произнёс Кукурузин, – а планета? Тоже живая?

Дрон обратил свой взор к экрану. По нему плыли воды океанских течений, летели орлы, курили вулканы, спали снега, бархатом зеленели горы, гуляли бегемоты и волки, козы и фламинго, миллиарды алмазов в секунду выдавали водопады, и качались сосны...

– Она живее вас. Она не спит наполовину, как вы. Это такое существо... седьмого измерения сознания, в вашем мире имеющее вид планеты, как вы тут – в виде гуманоида...

– Господи, мы же бурим её кору, – произнёс Кукурузин, глядя, как на экране в мангровых зарослях плавают чёрные рыбы.

– Согласен, очень мало цивилизаций в Космосе, которые не знают, что существо, на котором они имеют честь селиться – живое, – заметил Дрон не без упрёка. – Но вернёмся к Матрице? А то сейчас Агата вернётся.

– Кто? – как спросонья спросил Кукурузин, но в дверь уже постучали.

– Сиди, – бросил Дрон, – я свет включу.

Как только зажёгся свет, Кукурузин обнаружил себя в обычной комнате с ковром и диваном, зашторенным окном и обычным ноутбуком на обычном письменном столе. Сам он продолжал восседать на стуле – гнезде. А живая Вселенная продолжала гудеть и обитать у Кукурузина в голове.

В дверь просунулась стриженная девичья головка и покрутилась в разные стороны.

– Всем привет! Дрон, я за журналом, помнишь? Можно?

Дрон, как заметил Кукурузин, обрадовался рыжей головке и втащил в комнату совсем небольшого роста девчонку – подростка в таких же драных джинсах, как и у Дрона и в мужской рубаше на три размера больше, чем нужно хозяйке.

– Это Агата, а это ... Кук.

Артиста Кукурузина так низко ещё никогда не роняли.

– Кук? – развеселилась девчонка, как показалось артисту не глупая, – Потомок мореплавателя? Я за кипятком сбегая?

И она выскочила в коридор, а Дрон уже доставал с полки книжного шкафа чашки. На журнальный столик быстро поставлена хлебница с печеньем и яблоками. Он снизил громкость голоса:

– Короче... без подробностей при ней, ясно? Попьем чай и всё.

Чтобы выяснить, что Кукурузин артист кино, Агате понадобилась четверть минуты. Она также сообщила о своих пристрастиях: миры фантазии. Она их фантазирует и рисует в компьютере. В ноутбуке Дрона оказались несколько папок с её мирами. Артист догадался, что это она «детдомовка» из соседней комнаты, и, как выразился алкаш-технолог, почему-то «Королева Марго».

В её мире в одной из папок обитали прекрасные королевы в дружбе с драконами и полуптицами-полуконями, а также

разумные змеи, говорящие стены, и парящие в воздухе книги. Кукурузин заметил на щеке Агаты широкий шрам. И она заметила, что он заметил.

– Это... не диплом из детдома, – сказала она, хрустя печенькой с деланным равнодушием, – Я вообще не оттуда. Я – сама по себе. Родители просто далеко живут. А я захотела жить здесь.

– Агата работает в зоопарке, – не без восхищения сообщил Дрон, а она одарила его влюблённым, как показалось Кукурузину, взглядом. – За рептилиями приглядываешь?

– Сейчас – да, в прошлом году за водоплавающими, класс! Обожаю. Они только и умеют, что любить тебя, а во время кормёжки – обожать. Что, разве плохо? Всем надо в институты, чтобы потом в таксисты? Нет уж! Слава Богу, есть такие, как я, – хочу любимым делом заниматься, и занимаюсь. И плевать, кто там что думает. А шрам мне мой любимый горилл сделал, я горжусь.

– Обезьянице? – с ужасом спросил Кукурузин.

– Ага, – с наслаждением, как показалось артисту, рассказывала Агата. – Я как пришла в зоо работать, меня сразу поставили помощницей в обезьянник. А я возьми да и войди в контакт с гориллой, через решётку. Он такой классный, Рома!.. Ну царапнул, ну и что? Это круче тату.

В это время Дрон опять «включил» нечто, и Кукурузин увидел, что вокруг этой рыжей девочки переливается огоньками и сияет розово-голубая сфера, а девчонка продолжает

болтать про зверюшек и хрустеть печеньем.

Когда она ушла, прихватив яблоко, Дрон сказал:

– Единственная из всей квартиры, с кем я общаюсь, и только она сюда может заглядывать. Нет... ты подумал, это моя девушка?

Вдруг Кукурузин в секунду почувствовал своего знакомого, как ангела, который выше земных страстей. А Дрон сказал, глядя сквозь стол, пол, кору планеты, встречные астероиды и хвосты комет:

– Моя любовь далеко отсюда.

Тема больше не поднималась. Но Дрон сообщил:

– Агате восемнадцать уже. Её комната, а также эта – принадлежат её дедушке, который живёт на даче.

– То есть ты снимаешь у неё комнату? Платишь?

– В два раза дороже. Я ей условие поставил.

– Прости... а деньги где берёшь? – спросил Кукурузин и не подозревал, какой взрыв хохота вызовет у Дрона его вопрос. Алкаш опять постучал ногой в стену. Дрон убрал вазу с остатками печенья.

– Такую дурь как бумажка и не материализовать?..

– Друг... – Кукурузин тоже развеселился, – серьёзно? Печатаешь из воздуха? А ещё что можешь?

– Хочешь, – Дрон плюхнулся на диван рядом с Кукурузиным, – могу слона.

Реальность прыгала от радости, колыхалась и танцевала.

– А ... куда его здесь...

– А мы на пять минуток его телепортируем из Индии и всё!..

– Агату позовём?

– Нет!

И следующий взрыв хохота ударил в бок слона, невесть откуда взявшегося в тесной комнатке. Слон упёрся хоботом в дверь, а боками в стены и затрубил от страха. Виктор Евгеньевич алкаш заорал что-то за стеной, и через тройку секунд приоткрыл дверь... Спившийся технолог почти сразу захлопнул обратно, потому что он увидел всего зверя, и хобот слона стал «пробовать» его лицо.

Хохоту на диване не предвиделось конца. Слон тем же волшебным образом отправился домой, видимо, сочтя всё виденное эпизодом сна.

– Всё бы здорово... но он обмочился, – заметил писатель, а поэт неожиданно сказал:

– Про слона молчи. Агата не простит, что мы мучали животное.

– А лужа?

– Я за тряпкой.

Эпизод 5

Не верите, что мысли и чувства – тоже вид материи?

Но жестокость подростков часто бьёт реальной ногой в живот.

За слоном подтёрли, Агата всунула головку в дверь, чтобы

попрощаться, и двое опять остались одни. Кукурузин вспомнил главный вопрос:

– Про Матрицу растолкуй, не забудь.

Комната погрузилась в синий мрак, и зажёгся экран. По нему сначала пролетели стаи птиц, мелькнула широкая река, за ней леса до горизонта, потом горы в снегах, океан, киты, цветущая пустыня, макаки на ветвях, бегущие антилопы, загорающие на берегу моря морские котики, прозрачный янтарь, кристаллы аквамарина, божья коровка, сад с цветущими розами, поле маков...

– Обрати внимание. Это создал... НЕ человек. Скажем так... это создал Бог, или можно сказать, что это Он и Есть, все миры и всё в них... И вот Земля. Это очевидно божественно красиво. Согласен?

Артист согласно молчал, глядя, как на экране по зеркалу пруда плыл лебедь, а потом по небу, завораживая взгляд, поплыли облака, как зеркальное отражение этого лебедя.

– По аналогии – в каждом существе живут более мелкие существа, так и устроен мир... Мы все живём внутри Создателя, поэтому Им и являемся, а Он – нами. Поэтому и «Возлюби ближнего». Это божественно красивое – является обычным или не привлекает взгляда только у тех, кто глубоко спит, у сознаний, зомбированных Матрицей. Ну... пока они такие, но разные части Единого по-разному развиваются, с разной скоростью.

– Вот ты говоришь – спит, спящие. Подробнее можешь?

– Могу и даже с иллюстрациями. У большинства людей сознание включено не на сто процентов, а на пять-десять, то есть, они почти спят. Только в таком состоянии можно это всё, – Дрон махнул экрану и тот явил нежные глаза коровы и маленькие доверчивые глазки поросёнка, – считать тупым, бездушным, и существующим только для желудка человека. Большинство людей всё, что они видят в жизни, меряют двумя мерками: сожрать или постелить в пещере. И не надо оправдывать или приукрашивать. Убить и сожрать. И не размышлять. А ещё отобрать у другого что-нибудь и ещё ходить под себя. Вот и вся программа спящих сознаний.

– В смысле? Причём тут ходить под себя? – Кукурузин был весь – внимание.

– Мусор за собой не научились убирать, перерабатывать? В этом и живёте, что из себя выбросили. Смотри.

И Дрон опять взмахнул рукой. На огромном экране замелькали магазины и рынки с содержимым: мясо, колбасы, дары садов и огородов, горы посуды, кастрюль, кухонных комбайнов, холодильников, газовых плит, миллиарды коробок с провиантом, потом миллионы кафе, ресторанов. Замелькали дымки мангалов. «Цивилизация упаковок», – мелькнула мысль писателя.

– Видишь? Еда, еда, для еды. Она занимает из десяти бодрствующих процентов... пять.

– Пять процентов из десяти?!

– На скотобойню не пойдём, – мрачно откликнулся Дрон и

смахнул картинки с экрана. – Далее два процента – машины, квартиры, барахло для жилищ, украшения и одежда.

– Остаётся три... – Кукурузин вычислял. – Обучение? Познание?

– Держи карман шире! – Жестко ответил римский поэт. – Два с половиной процента – интерес к сексу.

Кукурузин оторопел.

– А чего так мало?

– Не знаю. Это факт. И пол процента на всё остальное: дети, самопознание и так далее.

Экран опустел и затем явил спокойную морскую гладь. Кукурузин молчал. Уточнял Вергилий:

– Эта статистика для большинства. Есть, конечно, люди на планете, у которых интерес к еде занимает два процента, а все шесть – любимая работа. У некоторых вместо любимой работы – страсть жить жизнью своего кумира, суперзвезды. Есть и те, у кого интерес к сексу повышен, но таких, представь, немного, просто они повсюду с этим суются. Всё это вас заставляет делать Матрица.

– Да что это такое, наконец, скажи? Или кто?

Парень помолчал. Он смотрел на экран, и морская гладь сменилась странным медленным танцем какой-то космической материи из звёзд и разноцветных нитей, сплетающихся в рисунки, потом искажающих их и выстраивающихся в новые рисунки, фигуры и целые облака, вдруг вспыхивающие светом или гаснущие.

– Я уже говорил тебе, что мысли материальны? – грустновато начал он. – У вас такие органы зрения и слуха... особенные. С их помощью почти ничего не видно и не слышно. Прими это как факт, а?

– Чего так умоляюще-то? – весело поёжился артист и хлопнул друга по руке. – Давай, давай!

– Так вот, мысли настолько материальны, что ими можно управлять и ими создавать... другие виды энергии, то есть материю! Но я перескочил... – Дрон нервно зачесал макушку. – Короче, о Матрице. Сейчас...

И он быстро начал делать обеими руками словно бы перелистывающие движения. Но в этот момент у Кукурузина зазвонил телефон. Звонила мама и просила срочно приехать.

В Сосновке начинался первый весенний дождь. В домик докторши среди сосен вошли её сын-артист и юноша в лимонной худи.

– Мам, ты чего звонила-то? – с порога спросил сын. – Я с другом, познакомься, это Андрон.

– Как хорошо, пусть будет ещё кто-то... – засуетилась бывшая докторша, и добавила приглушённым голосом, – сейчас Антоша приедет, он такое говорит, надо решить, я без тебя не знаю... Но сначала к столу, прошу пообедать!

И гостей проводили к столу.

– А почему вы не хотите попробовать шарлотку, ведь время обеденное, Андрон? – допытывалась Наталья Васильевна

у гостя, который ей сразу понравился, – а супчик? Сильно перчёный?

– Мам, Дрон На особой диете, попытался выгородить друга Кукурузин, но маме-врачу этого не стоило говорить.

– Нет, нет, диеты... некоторые очень вредны...

– Спасибо, я пообедал хорошо, – соврал обаятельный гость, – теперь только завтра. Завтрак. Но чаю пожалуй. С травами?

– О, да, семь трав, мой сбор... «На здоровье» называется. Банально, конечно...

– Мам, ну что, новое платье скоро наденешь? – перевёл тему сын.

– О, твоя Милина – волшебница, фея крёстная. Говорит, что я – Золушка. Хочу пойти в нём ... в театр, наверное. Балов-то теперь нет. Это платье молодит необычайно, хотя и ниже колен, вечернее, с воротничком, искусно расшитым бисером, жемчугом и пайетками.

- Пайетками, мам. А вот Дрон знает много интересного, мамуля, – игриво завёл Кукурузин, выводя на сцену персонажа следователя из кинофильма «Чёрные тени».

В этот миг грянул первый весенний гром. Настоящий не постановочный. Дождь припустил. Дрон в упор смотрел на Кукурузина, считывал: что у него на уме.

– Мам, мне можно ещё супчика? Чего? – Последнее слово обращалось к Дрону.

Мама упорхнула за супницей, а юнец заёрзал на стуле и

почему-то оглянулся на входную дверь.

– Не знаю, почему именно сейчас... – неуверенно произнёс он, – но как ты смотришь на то, чтобы повидаться с Данте?..

В этот миг Кукурузин окончательно определил жанр своей новой книги – фантастика. Без вариантов.

– Вообще, ты не простой! – он театрально погрозил пальцем новому другу, – А если я пойму, что ты бедному итальянцу Данте Алигьери просто мозги пудрил? О чём я писать должен?

– Да ты не должен, – холодно сказал Дрон.

На улице быстро потемнело, и на этот раз молния сверкнула за всеми окнами. У Кукурузина почему-то заледенела спина. Мама Наталья Васильевна вплыла в комнату с высоко поднятой супницей, напевая что-то, но вдруг входная дверь открылась настежь.

На пороге стоял подросток, почти насквозь мокрый от дождя.

– Антоша, сынок! – почти завопила докторша. Супницу подхватил Кукурузин.

– Всем привет, – хмуро бросил подросток.

Докторша начала сдирать с него мокрую джинсовую куртку, причитая по поводу грозы. Подросток же успел обменяться взглядами с братом и гостем. Потом, конечно, он был усажен за стол и ему налили горячего супа, но он не притронулся сразу к кипятку, а стал помешивать суп ложкой так,

чтобы нос находился в ароматном пару, поднимавшемся над тарелкой.

– Как хорошо, Антошечка, я так соскучилась, мальчик мой! – пела Наталья Васильевна. – Синяк почти прошёл и ... ты молодец. А как там папа?

Антон бросил на мать такой взгляд, будто бы она ведёт спокойную беседу с человеком, висящим на одной руке над пропастью. Докторша неумело спровоцировала сына:

– А время сейчас... Ты же должен быть в школе.

Подросток отложил ложку так, будто боялся кого-то разбудить. Никто не успел предупредить развитие дальнейшей сцены. Антон сказал с усилием, словно сдерживая взрыв:

– Сообщить вам, что я больше не пойду в школу?.. Банально! Вы же... я всё знаю, что вы тут сейчас скажете, – он взглянул на мать и брата. Каждое слово давалось ему с трудом. – Я, конечно, пойду в школу... Но... Я. За себя. Не ручаюсь.

– Старик, да ты объясни, чего, – брат попытался показать, что сейчас «всё решим все вместе».

– А ничего! – угрожающе произнёс Антон. – Ничего не решится, если я не пойду туда больше! И куда вообще идти?! Везде одно и то же! Ваши... устои, ваше ... дерьмо везде!...

– Ну-ну-ну, – вскочила квочка-мать и обняла младшего, – мой дорогой, не волнуйся так... Коленька, поставь чайник... Ну, Антоша, у нас гости, ты соберись, подыши, поешь, всё будет хорошо!

– Мам! – гаркнул подросток, отодвигаясь от стола вместе со стулом. На глазах его показались слёзы, но он вдруг жёстко глянул на Дрона, словно обвиняя его, как свидетеля слабости. Кукурузин почти вбежал с чайником. Было очевидно, что ранее подросток так себя не вёл.

– Брат, садись, вот чай, мам, дай чашку... конфеты дай... Антоха, пойдём в спальню, может? Поговорим, ты мне всё расскажешь.

– А я? А мне? – докторша тоже начинала глубоко дышать. Гроза перебиралась с улицы в комнату.

– Мам, брат, чего такое? Успокойтесь, наконец! – Кукурузин повысил голос.

Неожиданно подросток бессильно выдохнул и как бы сдулся. Взгляд был полон тоски, нос распух, – все слёзы собрались там.

– Ладно, мам, ты не волнуйся... садись, – сказал он слабым голосом и все сели на места.

У Кукурузина мелькнуло, что по закону жанра, гость должен был бы, возможно, откланяться и позволить семье поговорить. Но Дрон не двигался с места. Тут Антон, наконец, зарыдал, как мальчик, уткнувшись в мамину грудь. Через пять минут сцена была другой: все тихо ели суп, кроме Дрона. За окном лил тропический дождь.

– А вы кто, – угрюмо спросил Антон Дрона.

– Это мой друг, Дрон, познакомься, – Кукурузин ухватился за соломинку с надеждой сменить тему.

Но надежда была напрасной. Антон говорил теперь тихо-тихо, словно из него вытащили всю силу:

– За что... – начал исповедь Антон. – Почему человек должен провести юность, одиннадцать лет тупо сидя на жопе?..

Докторша дёрнулась на последнем слове, но побоялась спугнуть откровение.

– Мам, ты же доктор, скажи, когда кости перестают расти?

– Э-э, к двадцати пяти годам, дорогой мой... – засуетилась, словно в поиске шпиргалки Наталья Васильевна и бросилась ощупывать плечи младшего сына. – А что у тебя ...

– Мам, ты прости, я больше не буду орать... Но ты ответь мне, скажи, зачем я живу? Вы живёте? Другие? Для того чтобы экономика расцвела... или что?... это издевательство... А правда, какой смысл в жизни, кто-нибудь тут может сказать? Кто-нибудь знает?

– Антош, но вот мы в школу бежали с радостью... – Наталья не договорила.

– Я верю, мам! Но почему теперь не так?! – опять возвысил голос подросток.

– А что бы ты хотел? – вдруг прозвучал голос гостя. – Скажи. Хочешь пингвина покормить? – Завтра в зоопарке, у меня знакомая есть, ты сможешь в дверку пролезть, и там они. Идём?

– А школа? – спросила за сына мама.

– Возьмём день за свой счёт, – поддержал инициативу Кукурузин.

Эпизод 6

Не верите, в физическое проявление божественности, то есть в Бозон Хиггса? Значит, вы не верите в Нобелевскую премию.

Наконец, закончились съёмки, сериал отснят, а если точнее, то роль Кукурузина в этом фильме закончилась. У главных героев ещё два дня съёмок, а наш герой собирает свои вещи и направляется на электричку, отказавшись ждать служебный автобус. Три часа сидеть, ждать и слышать всю эту возню на съёмочной площадке, которая так желанно ожидается, когда долго нет работы, и которая так раздражает после первого же дня?

Отцепили микрофон, стёрли грим, дали денежку, пожали руку и зачем-то надеются на дальнейшие встречи. Дай-то Бог, не в театр же наниматься. Там сейчас эксперименты один хуже другого, особенно с эксcrementами, которые не метафора... Хоть любимая Маля любит в нём и актёра тоже. Но играть любовь, например, с другим мужчиной Кукурузину нереально. Видимо, он всё-таки не настоящий артист, а писатель, переживающий непогоду в шкуре третьеразрядного лицедея.

Кукурузин выпил кофе, попрощался с Лёшей Долматом, такой же «соей» с третьих ролей, как и он сам, и пошёл в

сторону леса, к дороге. В траве трещали кузнечики. Май почти сразу выдал июльскую жару. Лучше пройтись по грунтовой дороге до посёлка... километров шесть сказали? Ладно, главное – не заблудиться. Солнце уже начало палить спину, как из-за кустов вышел Дрон.

– Ух, я пока не привык что ли, – обрадовался Кукурузин. – А ты в курсе, мастер трансрессии, что я вчера начал писать... нашу книжку?

– В курсе, я же – дрон, – приятельски хмыкнул бывший Вергилий, – мне всё видно. Меня прямо в этой лимонной кофте увековечил... Решил писать без информации про Матрицу?

– Ну, старик, я её жду! Ты же видишь, у меня съёмки три дня подряд, но уже закончились. Как, кстати, Антоха в зоопарк ходил? Уже дважды, кажется?

– Трижды... Я их с Агатой познакомил, – хитро прищурился Дрон. – По-моему, получилось больше ожидаемого.

– В смысле? – Кукурузин остановился и в улыбке заблестал зубами на солнце.

– Они теперь вместе, – сообщил небесный информатор, – и, кажется, это большая судьба.

– Она же старше его, – радовался Кукурузин.

– Кому это когда мешало? – Поэт смотрел на солнце, прищурившись. – Она ему поможет, а вы отстаньте от него.

– Так что там с Матрицей? – спросил Кукурузин, вспомнив последнюю промелькнувшую на чудо-экране картинку:

он увидел нечто, напоминающее водопроводную сеть. Миллионы труб и трубочек, по которым струились, мерцая, импульсы-огоньки, – это напоминало корни дерева и... это было красиво.

Дрон отбросил сухую ветку с дороги в кусты.

– Ну, ты же увидел сейчас бегущие по каналам огоньки... это мысли людей, они же – импульсы энерго-информации. Обрати внимание: одни бегут в одну сторону, а другие – в другую. Это программа Матрицы: она посылает импульсы-мысли людям.

– А человеческие мысли – она собирает?

– Не все, а только низковибрационные, на уровне выживания, обогащения, соперничества, пороков и прочего адского набора.

– Ой, – Кукурузин внезапно почувствовал пару гирь на плечах и сел на поваленный ствол дерева. – Ты что, и меня в ад потащишь?.. Типа посмотреть?.. Мы так не договаривались!

Дрон рассмеялся. Весело, легко и по-дружески.

– Нет, что ты! Ты уже и так в аду.

Целая минута была предоставлена оркестру кузнечиков. Наконец, Кукурузин подал голос:

– Ну, да... Ты прав, в каком-то смысле. А в каком смысле?

– Да всё ты и сам знаешь, про вашу «цивилизацию», и что вы с Землёй сделали, и сколько людей живут хуже животных, и невежества на душу населения почти не убавилось за по-

следние триста лет. У каждого здесь свой Ад... Кроме тех, что здесь уже в Чистилище, – последнюю фразу Дрон произнёс почти игриво.

– Нормально спросить: а я всё-таки где? – взъерошил волосы артист.

– А для себя как определишь? Может, уже в Чистилище? Оно тут у вас есть, правда, в меньшем количестве, – почти смеялся поэт, – а Рай в душе переживают совсем немногие и не постоянно.

– Почему?

– Потому что ему здесь не место.

– Не место? Тогда вот вопрос Гамлета номер два: быть зачем? Что мы тут вообще делаем?

– Этот вопрос и твой братишка задавал, помнишь? Этот вопрос многие сейчас задают, пришло время. Старая матрица, то есть программа жизни или голограмма, как и любая старая компьютерная программа, меняется на новую. Это обычное дело, эволюция, и это так на любой планете, понимаешь?

– Что, вопросы к жизни меняются?

– Всё меняется.

– Будет Рай, что ли?

– Ада точно не будет, некоторые будут ещё так думать, «развлекать» себя какое-то время. В основном, люди будут учиться быть более свободными и счастливыми. Под это экономику постепенно перестроят, и прочие институты. Вот

они – новые задачи, новые сложности, но и состояние лёгкое!.. Словно груз спадёт.

– Стой, как это спадёт? Куда он денется? Эти вечные проблемы, вся эта круговерть, эта война политиков...

Дрон стоял напротив сидящего Кукурузина. Несмотря на жару, лимонная худя была на нём.

– Жарит... – сказал парень без ответа.

– Э, нет, друг, так не пойдёт, – артист схватил нового приятеля за рукав и притянул на бревно. – Сядь и объяснись! Как мы там с тобой из тупиков выбираемся? Начни сначала и с другой точки зрения. То есть... с другого конца.

Последняя фраза насмешила обоих.

– Если так, то я тебя с самого начала... обманул, – заявил юнец, хитро глядя на артиста. – Нет, ты послушай, это принципиально: сейчас на планете работают ... две матрицы.

– Стой, дай догадаюсь, – неожиданно азартно подхватил Кукурузин. – Одна – хорошая, а другая плохая!

– Точно! – залился смехом Дрон. – Примерно так. Обе они – вроде вашего интернета, сеть информационная, но не просто информация течет по каналам, а энергоинформация, то есть... программы, ясно? Всё как в компе. Усёк? Тогда дальше: хорошая матрица – это хорошая энергоинформация, для развития и эволюции общества, а плохая – паразитическая, работает на сбор энергии, за счёт своей особой энергоинформации, это просто.

– Слушай, супер! – Кукурузин смотрел вдаль за поля взо-

ром, полным азарта, – это супер сценарий! Две противоборствующие матрицы!.. Человечество про них не знает, кроме... тайных организаций от каждой матрицы... Это ново! Это вдохновляет!

Последняя пара фраз сопровождалась боксёрскими взмахами с невидимым противником. Но Дрон смотрел почему-то неодобрительно.

– Друг, давай уясним одну вещь и примем её навсегда и железно, – сказал он, почти стукнув Кукурузина ладонью по колену. – Хорошая матрица НИ С КЕМ НИКОГДА НЕ ВОЮЕТ. У неё природа другая. Всё равно, что рождённый летать, начнёт ползать. Ты понял меня? Или лучше не пиши. Без этого можно?

– А как же конфликт в сценарии? Должен быть обязательно.

– Придумай, но по-другому. Ну представь Природу, – Дрон обвёл рукой пейзаж, – ни с кем она не воюет, всё божественное, Богом созданное, естественное, – оно не воюет! Оно живёт и всё, развивается, меняется, но не воюет даже с тем, что её убивает, – с искусственным миром! С людьми, причиняющими ей зло. Вон, глянь, под деревом, присмотришь, – там была куча мусора, а природа часть банок втянула в землю, часть прикрыла свежей травой, вон ещё одуванчиков насеяла и вот те листья – земляничка будет. То есть она, как мать, на причинённое зло не отвечает, ещё и угостит ягодками. Такое – везде. Она не мстит, не ненавидит. Пойми

ты.

– Так, дай подумать...

– Может, потом...

– Нет, стой. Я понял. – Кукурузин внезапно обнял парнишку и по-деловому зачастил: – Я ещё обдумаю, а ты мне поможешь... Есть вопросы, так... Две программы... А сможешь их показать на своём экране? Едем? Э, нет, я к маме обещал заглянуть...

Дрон отряхнул джинсы и сказал спокойно:

– А мы и у мамы можем мой экран развернуть. Там есть комната, где мамы нет?

И вот уже двое вприпрыжку неслись к электричке, размахивая руками, дискутируя, толкаясь в шутку, не обращая внимания на жару. По дороге они придумывали псевдоним писателю со смешной фамилией, и пока автор выбрал вариант – «писатель К.».

Мама Кукурузина говорила по телефону с Малей:

– Такое платье, я в нём как иностранка... нет, в смысле роскошное! Но почему ты деньги не возьмёшь, я не понимаю?... А чем я могу тебе отплатить? У меня старые связи в больнице, к врачу могу записать... только там надо сначала анализы сдать... мочу я за тебя сдам, только флюорографию пройди.

– И не забудь, нам Данте надо навестить, – открывая дверь в небольшую комнату, игриво напомнил Кукурузин.

– Я-то не забыл.

– Фантастика... Мой жанр.

Это была обычная дачная комнатка, запасная, для гостей. Маме было сказано, что надо срочно обговорить один проект, а в беседке полно комаров. Артист задёрнул занавеску на окне:

– Э, всё равно светло...

– Нет, нормально, – сообщил его новый друг, явно сосредотачиваясь. – Так. Сейчас стемнеет, это тоже нормально... и лучше сядь.

– Как в детстве!.. Таинственное опять манит!.. – бормотал Кукурузин, потирая ладони от предвкушения. – Значит, матрицы две, ага!.. Не забудь рассказать, откуда они взялись.

Но Дрон почти всегда непредсказуем. Он выдохнул и через паузу сказал:

– Мы начнём с другой точки. Смотри.

В комнатке стемнело внезапно, как и в кинозале, тут же засветился знакомый экран – два на два, как прикинул Кукурузин. После нескольких мгновений цветных всполохов на экране появилась фигурка человека. Будто мультфильм: человек идёт, бежит, спит, женится, ест, и... умирает. Кукурузин увидел, как от лежащего тела отделилось другое такое же, только чуть с более округлыми конечностями, как на изображениях человека на дорожных знаках или в метро.

– Сейчас он увидит тоннель? – со знанием дела спросил писатель К.

– Слушай. Когда человек тут умирает, он как бы вывора-

чивается внутри, во внутренний мир, можно сказать.

– А, вот где он встречает ад или рай! В... Душе? В том, что он накопил за жизнь! – почти выкрикнул артист.

– Ты не ори, ладно? Впереди ещё будут впечатления...

Дрон-Вергилий повернул свою ладонь в воздухе, и человечек на экране действительно оказался в тоннеле.

– На самом деле это не тоннель, а вроде зала. Тоннелем он казался людям раньше... но несколько лет назад, люди стали видеть зал. Думаешь, эволюция это только развитие большого пальца и исчезновение волос с тела? Эволюция – это развитие всего, – спокойно повествовал Дрон. И Кукурузин увидел, что человечек уже стоит в подобии высокой пещеры, и вокруг него почти светло.

– Почти светло. Если умирает негодяй и преступник, – вокруг него темно. Потому что теперь его тело – то, что мы видим, – оно прошло через портал смерти в мир с другими видами материи, которые имеют свойства самосветимости, понимаешь?

– Это как?

– Потому что чем глубже, тем материя разнообразнее и тоньше. Как шёлк после мешковины.

Кукурузин словно погрузился в новое кино, он сидел, приоткрыв рот, – эту привычку Маля критикует беспощадно и без толку. Но, всё-таки, он задал вопрос:

– И что он будет в этом зале делать?

Дрон опять повернул ладонь в воздухе – на стенах пеще-

ры, словно на нескольких экранах сразу, замелькали разные киноленты трёхмерного кино.

– Это он жизнь свою прошедшую видит, с большой скоростью. Здесь другое время. И мы видим всё, что с ним происходит со скоростью, которая нужна нам. Вот, видишь, он идет вглубь пещеры и...

Кукурузин увидел, что человечек уже стоит на выходе из пещеры, и перед ним течёт река. Из тумана над рекой постепенно выплывает большая лодка. А Лодочник не имеет вёсел...

– Господи, это Харон, что-ли? – только и смог произнести писатель К.

Эпизод 7

Не верите в загробную жизнь?

Значит, верим в жизнь только до гроба?

Главное, верить в жизнь.

Кукурузин поёжился.

– Так-так-так... Значит, после смерти будет всё, как по мифологии?.. Река Стикс и Лодочник Харон... Он переправляет умершие души в загробный мир...

– Слушай, давай термины сменим? – предложил юнец. – Ты перечислил такое старьё, а эволюция вечно молода. Пойми, стереотипы мышления и восприятия уже не те, что были несколько тысяч лет назад.

– Предлагай, молодёжь! Тоннель уже сменили на зал, дальше, – играл в игру Кукурузин, – речка остаётся?

– Да, для вашего восприятия Река – это то, что надо. Мощно и романтично. А вот имя Лодочника изменилось – Крайон. Вернее, так его всегда и звали, просто люди-мифотворцы, древние ченеллеры, услышали его по-другому. Надеюсь, ты заметил его с самого начала, в пещере?

– Нет, – ответил Кукурузин, – я увидел только Лодочника в лодке, больше никого.

– Он был там, он встретил человека там, в пещере, он всегда это делает, с каждым из вас, из нас... И провожает на

лодку. Ладно, проехали дальше, они уже подплывают к другому берегу. Что-нибудь видишь?

– Вижу хорошую погоду в приятной глазу местности на другом берегу, – азартно говорил Кукурузин, а Дрон усмехнулся:

– Мои-то компьютерные игры поинтереснее ваших будут, да? Ладно, смотри, Крайон и лодка растаяли, человек гуляет на природе...

– Короче, это ты уже Рай показываешь? – ёрзал артист.

– Это я тебе показываю Реабилитационный Центр Пятого измерения... Думаешь, вам после здешней житухи не нужно восстановиться и в себя прийти? Да, тут нет ваших представлений, слава Богу, – койки, врачи... Человек, перешедший в следующее из-МЕР-ение, у-МЕР-ши в прошлом, какое-то время видит сплошной позитив, какой он себе индивидуально представляет. Кто-то видит природу, сад, кто-то морской берег, кто-то свою дачу, даже свою любимую работу! Например, сцену театра, но в очень спокойном, красивом виде, и всё тут ладится, и друзей видит... Это не фантастика, а такая же голограмма, как и этот ваш мир Четвёртого измерения, и он так же помещается в вашем сознании, как и все миры Вселенной.

– Значит, все кто тут помер, высаживаются там из лодки на прекрасный берег.

– Не все, – нажал на слово Дрон. – То есть высаживаются все, а вот природу они там видят, соответственно своим

вибрациям... я тебе уже говорил, уровень задаваемых человеком вибраций составляет его личность, и судьбу, в конечном итоге.

– То есть, кое-кто высаживается... в пустыню? Или в слякоть? Или, допустим, у скал, – фантазировал писатель.

– Вариантов много, сколько и личностей.

– Смотри, к нему пёс подбежал! Это его собака?

– Да, наши любимцы встречаются нас там, и даже... сказочные животные, которые в детстве полюбились, из книжек и фантазий, смотри, вон там, у рощицы.

Кукурузин чётко увидел возле рощицы с яркой листвой... единорога. Это был конь светлой масти, только крупнее и изящнее, на лбу чётко просматривался тонкий и острый рог. Единорог интеллигентно объедал зелёную веточку дерева.

– Это... кино, – только и смог произнести Кукурузин.

– Это не кино, а воображение, то есть свойство человеческой природы, ВСЕЙ природы, человек же не просто био-костюм. У вас ещё толком не приступали к изучению воображения, а это вроде инструмента, творящего не только сказочных существ в других мирах, но и сами эти миры...

– А почему этот человек видит единорога? Или все их там видят? – тупил писатель.

– Повторюсь, каждый видит то, что входило в его представления или мечты.

– Стой, остановись, – тихо взмолился Кукурузин, – я должен это переварить... Так значит, человек попадает в другую

реальность? После оставления тела сознанием?

Дрон и не думал убирать экран. Он сказал:

– Вооот! Вы называете сознанием, сами не знаете что! Это «сознание» и есть суть человека, БОльшая часть, и у неё есть возможность иметь другое тело, тела, даже менять облик, потому что здесь, за Рекой, другая физика!

– И продолжение жизни... – задумчиво протянул писатель К.

Дрон присел перед ним на корточки и улыбнулся прямо в глаза:

– Мы сейчас закончим, выдержишь ещё одну картинку? Мне надо точку поставить.

– Давай, – Кукурузин неожиданно почувствовал приток сил.

– Мы пролистаем жизнь в этом «загробном» мире этого условного человека, – закрутил ладонями в воздухе Дрон, – он жил здесь хорошо и творчески и вот... опять пещера.

– Он что, назад собирается??

– Да, «с того света ещё никто не возвращался» – это бред невежества и мракобесия. Мир устроен очень экономично, логично и фантастично. И если у этого человечка в земной жизни остались не денежные «долги», то его сюда притянет опять. Вот почему лучше стараться жить добродетелями, старик...

– Вот это да... хотя, я всё это как-будто знаю!.. – воскликнул артист.

– Потому что ты шастал уже через эту Пещеру Творения раз тысячу туда и тысячу обратно, память в сознании архивирует такие вещи. Но она это делает очень деликатно, чтобы тебе это не мешало в «новой» жизни.

– Это опять Харон! Крайон!.. – указательный палец Кукурузина проткнул цветной воздух гостевой дачной комнаты.

– Именно, – вещал поэт Рима, – он встречает и провожает здесь всех людей, знает каждого, между прочим...

– Потому что мы по тыще раз тут проходим....

– Именно, писатель. Он обсуждает с человеком его предстоящую новую жизнь, опасности, таланты, любовь, искушения. И задачи. Что надо исправить и как, иначе придётся «ходить» туда-сюда, пока не растворится колтун негармоничной энергии.... Всё, старик, на сегодня хватит.

– И каждый раз у человека будет стираться память, когда из Пещеры Творения он будет вновь входить в земную жизнь, рождаться в роддоме... – словно цитировал свою новую книгу писатель.

Экран исчез, и в комнатке засветило солнышко. Кукурузин сидел с закрытыми глазами.

– Я теперь наведуось через пару дней, если ты не против, – сообщил Дрон.

Милина пожелала пойти гулять. Май цвёл цветами и яркими закатами, люди гуляли по обновляющейся Москве: уличные кафе одно уютнее другого, ярко освещённые пар-

ки, фонтаны, пруды, музыка... Маля демонстрировала миру новый льняной кардиган с ручной вышивкой, новый шарф цвета прозрачной речной волны и новую стрижку – рыже-золотые локоны выше плеч. Она подмурлыктивная что-то джазовое, потащила любимого за приглянувшийся столик под абажуром-парашютом.

Кукурузин одним глазом любовался своей неподражаемой девушкой, вкушая итальянского винцо. Другим же глазом он продолжал видеть экран Дрона. Река-граница, легендарный Лодочник, другой мир, единорог и Пещера Творения.

Неплохо. Пусть так и будет всё устроено.

Эпизод 8

Не верите, что учёные всё знают?

Правильно делаете.

Артист Кукурузин или писатель К. – взрослый человек тридцати пяти лет, словно пацан перед шагом во взрослую жизнь, волновался перед встречей с юным посланником Небес. Дрон обещался появиться в квартире артиста, чтобы теперь, наконец, показать ему матрицу, вернее, две. Да, они собирались смотреть в волшебный экран дома у Кукурузина, потому что Маля на неделю уехала к маме в Выборг.

Уже два раза вскипел чайник, уже несколько раз артист оглядывал кухню, прихожую и даже ванную, в надежде, что вот тут сейчас появится Дрон. Но юнец решил сегодня просто позвонить в дверь.

– А чего звонишь? Прошёл бы через стенки, – радовался Кукурузин, встречая гостя.

– Ты прошлый раз так вздрогнул, когда я тут у тебя на кухне материализовался, вот, решил по-простому. Где кошки?

– Э-э, наверное, в кладовке, у них там гнездо, – Кукурузин совсем забыл про Пирожку и Песенку.

Он артистично шлепнулся на синий диван и хлопнул рядом с собой ладонью, приглашая гостя сесть.

– А знаешь, что ты мне должен показать? – заказывал пи-

сатель К. – Загробную жизнь. Ты не забудь! Что там челове-
ки делают, как живут.

– Я не забыл и не забуду, – заверил Дрон. – Это целая тема.

– Слушай, я тут вспомнил другое твоё обещание... а как
мы с Данте повидаемся? Погрузишь меня в гипноз? Кто бу-
дет играть роль Алигьери? – шутил артист.

Но Дрон смотрел на город.

– Хорошее окно, – произнёс он, – прозрачная стенка. Но
видно только город днём или город ночью.

– Ещё утром, – добавил писатель, – там Восток как раз,
солнышко восходит. Каждый раз по-разному... Знаю, ты
равнодушен к шумным городам, ты воспевал деревню и ра-
дости простой жизни земледельца... Я почитал.

Дрон сел на Малин стул и посмотрел на двух манекенов,
придвинутых к стене.

– Это окно, – сказала он, указывая рукой, – и эти куклы
– как декорация к сегодняшнему спектаклю. Куклы живут
в городе, то есть управляемое человеческое общество... По-
верь, так было и две и три тысячи лет назад.

– А ведь ты жил в большом древнем городе Рима, и был
там даже вроде мажора! – подцепил Кукурузин задорно.

Дрон усмехнулся и почесал шевелюру:

– Вроде того. Мой отец в той моей жизни был достаточно
богат, но не был аристократом. Я учился в хороших школах,
мне нравились стойки...

– Я читал про тебя! – веселился Кукурузин. – Ты с импе-

ратором Октавианом Августом запросто общался.

Артисту показалось, что поэта передёрнуло.

– Ладно, давай за дело, – сказал Дрон.

Кукурузин по-детски зажмурил глаза, а когда открыл... В его с Малей комнате уже светился огромный экран! Он показывал земной шар, словно затканый волшебной золотой сеткой, сияющей, искрящейся, и это не были параллели и меридианы на привычных глазу картах планеты. Ячейки сетки представляли собой «соты», шестигранники. Дрон тоже сиял.

– Божественно, – только и сказал он. Но потом продолжил: – Вот, старик, это «хорошая» матрица, природная. Она вроде кровеносной системы, по этим «сосудам» течёт энергия жизни, буквально. Эта энергия сложносоставная, в ней много всего, и эти потоки не хаотичны, там всё строго с порядком. Кстати, ты в курсе, что слово «космос», придуманное греками, означает «порядок»?

– Греками? Древними? – как во сне бормотнул Кукурузин.

– Ну не современными же, – срезонировал Дрон, – их даже сравнить нельзя... как галерею искусств с сувенирным рынком! Ладно, смотри. Эта матрица лет несколько тысяч подряд была на вид как бы не такая яркая, потому что такой период переживало человечество: типа мысли, устремления, ограничения, невежество...

– Так матрица отражает суммированное сознание человечества? – спросил писатель.

– Да, если упростить ответ. Но энергия в матрицу поступает и снизу, от людей, и сверху, от кураторов... Что смотришь? В первую очередь от организации, курирующей Развивающиеся Сообщества. Кук, не смотри совой.

– Можешь повторить?

– Всё ты слышал. В нашей Галактике есть Федерация Свободных Миров. В ней есть отделы изучения и помощи развивающимся мирам.

– Так Земля что, вроде стран третьего мира?? – шок горел в глазах артиста синим пламенем.

– Нет, – хмыкнул Дрон, – скорее, наоборот. На Земле проходит уникальный Эксперимент. Такого, что здесь происходит, в этой Вселенной ещё не было.

Только давай постепенно, а? Короче, мы видим, как работает «хорошая» матрица, нормальная система, можешь сравнить с микросхемой компа, только эта несоизмеримо сложнее. Хотя, с неё-то вы и слизали своё изобретение!

Кукурузин нервно чесал нос:

– Да, я слышал, что человек не может придумать ничего, всё придумано уже, то есть, идеи плавают в информационном поле, типа, в ноосфере, только по мере развития люди достают оттуда... Так это...

– Это и есть Информационное поле планеты, чувак, – сказал Дрон, указывая на экран. – Только это не статичная база данных, а сложная система и энергообеспечения, и энергоинформации, и ещё тут много всего. Это есть у каждой оби-

таемой планеты, ну, они все обитаемы.

– Блин, – Кукурузин ладонью словно стёр с лица маску, – это здорово!.. А как это с людьми контактит?

Дрон засмеялся, как-будто смотрел комедию.

– На сегодня уясни главное: всё это и вся Вселенная и человек, и все существа имеют магнитную природу, ну? Понял?

– А, то есть, это не плоская сетка, а ...поле?

– Молодец! – воскликнул посланник небес, откидываясь на мягкую спинку дивана. – Это поле, человек это поле, кошка, дерево, планета, Вселенная вся! Вот почему всё Едино, то есть связано. Связаны – все – существа – друг – с – другом!

– И поэтому, когда мы воюем, говорят, мы воюем с собой?! Господи...

– Матрица контактит, как ты говоришь, с магнитной частью человеческой ДНК, то есть остальными одиннадцатью волокнами, что вы считаете мусором, – выпалил Дрон, раздвинув ладони, и экран показал магнитные поля человека, планеты и Вселенной. Они были идентичны...

Кукурузин не чуял под собой дивана. Дрон погасил экран, и двое парней увидели в коридоре двух кошек, которых привлекли звуки. Пирожка и Песенка сидели во тьме коридора, высвечивая людей четырьмя фонариками глаз.

– Давай сейчас чайку, – распорядился Дрон, – а то ты похож на зонтик после тайфуна.

На кухне под абажуром стояли чашки с чаем, порезанный

сыр на блюдечке, фруктовая пастила и финики. Кукурузин разогрел сырники, которые Маля заботливо приготовила заранее и оставила в холодильнике.

– Сегодня у меня в голове всё как-то прояснилось, знаешь, – говорил Кукурузин. – Вообще... это какая-то судьба, что ты появился. Ты-то это понимаешь.

Дрон смотрел, как две кошки неспешно угощались из своих чашек.

– Ты будь готов, – сказал он и повесил некую паузу, – это только начало.

– Всегда готов! Ты что? – Кукурузин сиял. – Не зря же ты меня выбрал? Мало ли писателей? Чем-то я тебе более других приглянулся? А? Чем?

– Странноватостью, – улыбался котом Дрон.

– Нееееет, ты мне лучше вот что скажи, как я понял, эта система как бы стенографирует все мысли человечества?

– И чувства.

– А зачем? Там же столько баракла!

– Это всё ценный опыт. В том числе и количество баракла. Вся эта энергоинформация, включая не-баракло, собирается, систематизируется и архивируется для дальнейшего изучения и применения целыми институтами... «загробного» мира.

Последняя пара слов была произнесена с «фырком». Кукурузин закивал:

– Институтами... Ну да, не мы же тут всё выдумываем,

а... приносим оттуда! – он внезапно подпрыгнул на табуретке. – Ух, ты! Здорово! Что не ешь ничего? Сырнички классные. Ещё вареники есть, хочешь?

– Я ем энергию, – Дрон изобразил хвастуна, – с вашими продуктами ни в один портал не пролезешь...

Кукурузин взял на руки пыльного цвета Песенку и спросил:

– А «плохая» матрица? Покажи.

– Покажу, – сказал Дрон, и внезапно стена кухни стала прозрачной. Кукурузин увидел двух Малиных манекенов, стоящих в соседней комнате, но на головах у них было нечто похожее на... клетки для птиц!

– Это что же такое? Тоже поля? – соображал артист.

– Именно, – ответил Дрон, – эти поля транслируют ... вы бы назвали их учёными, но это не люди, это другие существа, которые управляют этими системами из параллельного измерения. Назовём их ... Управителями. Они программируют с помощью вот таких полевых структур-клеток ваше «тайное мировое правительство»...

– Так это что, всё правда что ли? – недоумевал писатель К. – Весь интернет, кому не лень... Ну, допустим, я пока это допущу, чтобы понять всю картину, и что ты вообще мне собрался втирать... Старик, я всё проанализирую, а пока я буду играть в твою игру, согласен? А вот скажи, почему это стало известно сейчас, а не сто лет назад, допустим?

– Ну, допустим, сто лет назад это было известно, хоть и

немногим, а сейчас, просто их программа дала сбой, вот и всё. Образовалась утечка информации. Ты же видишь потоки энергии, вот она и «потекла». Скоро будет потоп, уже почти есть. Много домыслов и глупости, конечно, но суть усмотреть можно. Дыма без огня не бывает, особенно, когда дыма много.

Кошки пошли в комнату не через стенку, ставшую «прозрачной», а через дверь, как обычно.

– Ну хорошо, значит, такая вот хреновина надета на башке у каждого чувака из тайной элиты мира.

– И почти у всех людей.

Кукурузин чуть не подавился сырником. Дрон продолжал:

– Это устройство позволяет транслировать в сознание людей «нужные» мысли, в основном, тормозящие развитие. Люди... это парадокс. Люди – это уникальные существа, божественные, я бы сказал, а порабощены гораздо менее уникальными существами. Почти все ваши ограничения диктуются оттуда, всё, что ограничивает вашу божественную природу. И, кстати, то, что вы не верите в этих Управителей и их методы – это результат работы одной из их программ. Им так надо, им так удобнее вами манипулировать!..

Лицо Дрона было словно освещено. Кукурузин поёжился. Стенка кухни опять появилась.

– Ладно, в целом я понял, поэт, – произнес он устало, – но я ещё буду осмысливать...

– Что там тебе осмысливать, – грубовато заявил поэт-про-

водник, – тебе надо фантастику написать и всё. Как там, кстати, дела? Пишется?

– Пишется, да... Скажи, и у меня голова вот так вот в ящик упакована?

Дрон увидел в глазах Кукурузина такую смешную тоску, что почти засмеялся:

– Ну, – ответил он шутливо, – немножко просматриваются линии, по вопросу заниженной самооценки...

– Надеюсь, это ошмётки, – парировал будущий известный писатель К.

Эпизод 9

*Не верите в собственную запрограммированность?
А в привычку себе вредить?*

Кукурузина пригласили на роль карманника советских времён. Роль, конечно, опять не очень заметная, но как сыграть. Вон, знаменитые актёры прошлого, многие так и остались гениями эпизода. Съёмки должны будут проходить в приморском городе, то есть, будет море, пляж, и хоть кусочек лета, похожего на нормальный отпуск.

Дрон, разумеется, тоже будет там. Если уж с «того» света добрался, то до моря – легко. У Кукурузина намечалось аж четыре съёмочных дня. Далее подьедет Милина, и они радостно прокутят гонорар вместе. Вполне возможно, денег хватит ещё дней на пять, если только Маля не захочет каждый день кушать только фрукты и пить дорогое вино. Она совсем не пьяница, она хуже – эстет. Не количество, а качество. Цена вопроса другая.

Главную роль в будущем фильме будет исполнять один из самых крутых артистов страны Игорь Паскет. У Кукурузина даже будет с ним одна общая сцена. Для роли Кукурузина обрили наголо, это было единственным минусом. Но такова профессия актёра! Зато в номере гостиницы его поселили не с самым плохим человеком, – им оказался помощник опера-

тора Витя Богомазов, его старинный приятель.

Дрон нарисовался в первый же день, Кукурузин увидел его на лавочке перед отелем.

– Слушай, друг, – сказал поэт-информатор сразу, – я тебя сильно не буду отвлекать, ты работай, всего-то четыре дня, а потом... Короче, у меня тоже сейчас дела. Если надо, просто подумай, и я явлюсь, ок?

И он пошёл в сторону моря, а к Кукурузину подбежала помреж и сказала:

– Завтра на грим в пять утра. У вас будут зубы накладные и щетина. Первая сцена сразу с Паскетом. Текст наизусть.

Три дня съёмок прошли в рабочем режиме, исключая то, что сосед по комнате Витя Богомазов нажирался каждый вечер после съёмок. Он именно нажирался. Утром извинялся, говорил, что в личной жизни временные проблемы. Зато артист Кукурузин имел возможность три вечера подряд вставлять в ноутбук новые главы своей книжки. Маля приедет, возможности сочинять не будет, скорее всего.

Дрон появился сразу после расчёта с бухгалтером.

– Чего раньше не приходил? Витёк засыпал с одиннадцати вечера.

Дрон посмотрел с грустноватой улыбкой:

– Не хотел тебе мешать. Да и пьяный Витёк в комнате – минус для волшебного экрана, вибрации ниже среднего. Ты-то как, сочинял?

– Да нормально, – ответил Кукурузин, вспомнив, как пья-

ный Богомазов каждую ночь вставал в туалет, толкал тумбочку с лампой, путал выключатели света, даже разок заснул в туалете и начал там храпеть, как в микрофон.

До приезда Мали оставалось целых пять часов и друзья отправились на пляж. Дрон, правда, не пожелал загорать на многолюдье, и повёл писателя далеко от всех. Тут вместо ракушечного песочка лежали сплошь огромные скользкие камни, но народу, правда, почти никого.

Сначала они купались и загорали, как все на морском побережье. Потом, основательно поджарившись, сели в тени небольшой скалы.

– Знаешь, перед глазами так и стоит та красивая картинка – земной шар в золотой сеточке, – начал первым Кукурузин.

Дрон вытянул ноги, и они оказались на солнце.

– Такая энерго-сеть везде. Вся Вселенная ею пронизана, каждая её частица. Я бы сказал так: это нервная и кровеносная системы вместе. По Вселенной называется УКС – Универсальная Космическая Сеть, такой космический интернет. Матрицы планет – её часть. Только... «плохая» матрица как могла блокировала эти каналы связи своими вирусными программами. Теперь она теряет силу, и связи восстанавливаются.

– И что будет дальше?

– О, старик, дальше будет о-го-го! Всё сразу так вот на пляже не расскажешь... Давай порциями, как обычно.

– Что, как мороженого переест?

– Кстати, именно. Перебор с информацией может вызвать временное ослабление иммунитета, ОРЗ, например. А ты думал, почему у вас школьники такие хилые пошли? Годами их наталкивают диким фаршем из информации, в том числе и ложной, они и выдают кучу хронических заболеваний. Так что...

– И всё-таки, что будет? Конец или начало?

– Конец одного этапа эволюции и начало другого. Вот ваш мир – это длина, ширина и высота, и время. То есть, пространство и время? Параметры уже меняются, и если людям в общей массе это не очень заметно, так это потому, что ваши органы восприятия нуждаются в совершенствовании. Этот процесс тоже идёт потихоньку.

– А время... как меняется?

– Слушай, это слишком большая тема, тебе в этой книжке не понадобится, и я попробую её обойти.

– Ну скажи! Хоть пару слов, – Кукурузин ссыпал целую горсть маленьких камешков на колено Дрона.

– Твоё рвение похвально, – голосом профессора ответил поэт древней Италии, и набросал тему штрихами: – Вот у вас есть прошлое, настоящее и будущее, а с «того» света это видится как всё сразу, как одна реальность, понимаешь? Вы двигаете фокус своего внимания только в будущее, но это изменится. В этот период активно руководят процессом перемены времени специалисты из Галактической Службы Времени, и происходит вот что: в вашем мире процессы времени

замедляются, для того, чтобы повысить ваши вибрации, одухотворённое вас сделать, короче. А по-простому – добрее, спокойнее, благороднее... Показатели Шкалы Шумана уже в разы подросли! Мешают в этом процессе те, кто нагнетает социальные проблемы, крутит военные гайки. Через УКС идут энергии обновления в вашу ПКР – Планетарную Космическую Решётку сознания – ты её видел, с сотами. А силы противодействия маленько упорствуют, своё награбленное не желают отпускать и строят планы вас вообще подключить к некоей искусственной общей энергобазе.

– Чего?

– Я думал, ты спишь.

– Я слушал! Давай дальше. Пока я не задымился. А как это замедление времени подействует на рост духовности? Для тупых лириков расскажи.

Дрон хихикнул и перебросил часть камешков Кукурузину на спину.

– Ладно, последний абзац, только не жалуйся. Духовность – это повышенные вибрации твоего поля, это усёк? Их надо повысить для проживания в новой возникающей реальности, в том числе и в новых параметрах нового мира – новом пространстве и времени с новыми свойствами, ясно? Как их повысить, вибрации? Надо замедлить время.

– Вот опять! – Кукурузин бросил камушек далеко в море. – Как можно время замедлить? Это уж совсем фантастика какая-то.

Дрон опять захихикал.

– Лет триста назад люди сказочку сказывали детям про яблочко на тарелочке, которое по тарелочке катится и всё показывает. Теперь телек даже у бедноты стоит, это не фантастика? И заметь, телек – не самое большое техническое чудо.

– Ну, намекни хотя бы, как? – заныл взрослый дядя Кук.

– А что такое время, по-твоему? – вопросом откликнулся юный Дрон.

– Ой, зачем спрашиваешь? – фыркнул Кукурузин.

– Это такой же вид энергии, как и всё во Вселенной, – нарочно занудным тоном заговорил Дрон. – Двигается оно по спирали, а каждый человек имеет свою индивидуальную спираль времени. Замедлить время можно, немного наклонив ось Земли. За последние сто тысяч лет угол наклона уменьшался три раза, соответственно, шло уплотнение материи, ослабление связей с УКС, ускорение темпа времени, усиление гравитации, изменение магнитного поля Земли и людей, понижение вибраций существ, то есть понижение их духовности, и ещё много чего. После миллениума, как вы говорите, началось постепенное увеличения угла наклона планеты, соответственно, все перечисленные процессы идут в обратную сторону...

– Гравитация уменьшится? Время замедлится? Мы легче весом станем? И добрее? Всё, у меня дым пошёл...

– Постепенно, брат, очень медленно, всё образуется, не спеши. И помни, я тебе рассказываю очень коротко об очень

сложных процессах.

– Скажи, а двести тысяч лет назад... ось качалась в другую сторону? Это что, всё время так?

– Периодически, ведь Земля – живая, – Дрон сидел с закрытыми глазами и наслаждался шумом моря. – Знаешь, тогда, давно... я помню море Неаполя... Я же много лет жил у моря.

– Слушай, поэт, а ты наизусть своих стихов не помнишь тогдашних? Стихи, написанные до нашей эры...

И тут Дрон, некогда посещавший этот мир поэтом Вергилием, стал читать напевно:

«...Ветер подует едва, и тут же пучина морская
пухнуть, волнуясь, начнёт; по высоким горам раздаётся
треск сухой, и ему берега зашумевшие вторят
гулом широким своим, и рощ учащается шорох.
Море тогда не щадит крутобоких судов, а в это время
быстрые мчатся нырки, из просторов спасаясь открытых,
к берегу с криком спешат, меж тем как морские лысухи
рады на суше играть, и, родные покинув болота,
выше самих облаков летит голенастая цапля...»

Море и рай с Малей продолжился по плану: пять дней. Но перед самым вылетом в Москву позвонила мама. Она так давилась слезами, икала и выла, что Кукурузин не сразу понял: пропал Антон, его нигде не было третий день.

Кукурузин тут же вспомнил про Дрона и вдруг увидел его, тот сел с бумажным стаканчиком за столик кафе. Маля осталась возле чемодана, а Кукурузин рванул к кафе. Как всегда, слова Дрона были неожиданностью:

– Вы можете его НЕ искать?

– Что?? А... где он? Ты знаешь?

– Я знаю, но пока... давай в Москве скажу, сейчас уже пора, а в самолёте мне не очень хочется разговаривать.

– Но с ним всё в порядке?.. – И тут Кукурузина осенило: – Слушай, а ведь в последнее время ты с ним и с Агатой много общались? Постоянно!

– С ним всё в порядке... Я понимаю тебя, друг, но... ты можешь уговорить маму не сообщать в полицию?

– Она уже сообщила!

– Пусть скажет, что он нашёлся, придумай что-нибудь! Он... скоро появится.

– Ты меру знай, тут нельзя тайны темнить, скажи! Твоих рук дело? А где Агата?..

Голос диктора объявил посадку. Дрон встал:

– Если хочешь брату добра, позвони матери. Пусть она скажет его отцу, что Антон с тобой на съёмках или что-то в этом роде. Он появится через неделю. В Москве всё расскажу, будь мужиком. С братом всё хорошо.

И Дрон скрылся в толпе пассажиров, толпой двинувших на посадку.

Эпизод 10

*Не верите в гениальное устройство Вселенной?
Тогда почему-бы не назвать его Божественным?*

Кукурузин солгал маме, что Антон, якобы, психанул очередной раз, и недельку поживёт у Дрона. Все успокоились, включая его отца, который во время этих событий, слава Богу, пребывал с молодой женой в Таиланде и общался со всеми только по телефону. Но к его возвращению Антон должен вернуться. Так Кукурузин и сказал Дрону.

Он понял, что Дрон – единственный человек, который хоть что-то знает, его спокойствие внушало какую-то надежду. Хотя, местонахождение брата по-прежнему оставалось неизвестным, и Кукурузин был не в себе. Он частенько раздражался, не помогали даже Малины фирменные печенки с луком.

Один раз, всё-таки, Кукурузин напросился к Дрону в коммуналку, – хотелось перетолковать с Агатой. Вроде бы, она последняя говорила с ним. Но девушка ничего не знала и хмурилась: как и другие, она не понимала – ни в чём причина, ни где Антон. Дрон и её кормил байками, что, мол, всё хорошо, и парень скоро прибудет.

Но время шло, приближался последний день до появления пропавшего, обещанный Наталье Васильевне. Кукурузин

зин стал похож на психа с тяжёлой депрессией, а ведь надо было ежедневно ходить на озвучку очередного американского мультика и на репетиции в антрепризном спектакле.

И вот в ночь на последний день «аванса» Кукурузину приснился сон. В том, что это был сон, писатель К. усомнился, как только проснулся. Ему приснилось, что они с Дроном идут вдоль леса, как тогда жарким маем после съёмок. Только теперь было почти темно. Друг неожиданно свернул в лес, и они стали пробираться между каких-то огромных валунов, выше человеческого роста. Вышли к реке, которую покрывал густой туман. Они продолжали молчать, как вдруг Кукурузин увидел большую чёрную лодку, которая начала медленно выплывать из тумана. В памяти щёлкнуло: Река Стикс, Лодочник Харон... или Крайон, а за рекой ...

– Так, – занервничал артист, – я что помер? До момента славы?... Дрон!

Кукурузин с ужасом заметил, что его спутник одет в длинный плащ, как и полагалось поэту Вергилию на иллюстрациях к «Божественной комедии» Данте. Сам артист почему-то был в джинсах Дрона с модными дырками.

– Слушай, – проводник вдруг повернулся... и улыбнулся, – это всё как бы не по-настоящему, понимаешь? Ненадолго... в общем, просьба помолчать, пока речку переплывём. Только не смотри на Лодочника. Тебе пока не время.

Ужас поднял чёлку Кукурузина, но он делал всё, что положено. А Лодочник, точно в сговоре с Дроном, всё время

был повёрнут к ним спиной. Кукурузин только заметил, что он огромного роста. И никакого весла. А вода напоминает прозрачный воздух... Точно кино, только внутри компьютерной графики.

На противоположном берегу они опять куда-то пошли. Тропка вела через луг, по которому продолжал ползать тот же речной туман и вдруг... Кукурузин чётко уловил запах костра. Они и подошли к небольшому костерку, горевшему между невысоких скал-валунов, выстроившихся полукругом. У костра стоял Данте Алигьери.

То есть писатель Кукурузин, как заядлый читатель, знал эту личность «в лицо» по многочисленным портретам в книжках, ошибки не могло быть. Средневековый поэт и одет был как на своих многочисленных портретах: тёмно-красный плащ с капюшоном, и маленькая красная шапочка с «ушками». Нос – горбат, глаза впавшие, скулы острые, уголки губ – вниз. Поэт повернулся к пришельцам и сразу слегка поклонился Вергилию. Кукурузин удостоился лишь пристального взгляда.

– Не описать, друг мой, как я рад тебе, – произнёс Данте, словно его огорчили. Дрон-Вергилий улыбнулся, словно его насмешили. Наверное, он увидел привычное кислое выражение, скрывавшее мирную мыслящую натуру.

– И мы рады тебе, – сказал Дрон, поддев Кукурузина под локоть. – Это ... Кук. Как ты?

Данте не замечал дырок на джинсах Кукурузина и не за-

метил вопроса Дрона.

– Здесь трудно скрыть мысль или вопрос, ты знаешь, – произнёс Данте и вдруг засмеялся так, будто закрипела под ногой треснутая доска. – Присядем.

Трое присели на камни вокруг огня. Кукурузин огляделся: всё вокруг было «натуральным», в отличие от роста Лодочника и отсутствии воды в реке Стикс. За камнями простиралась равнина, покрытая травой, дальше – вновь невысокие скалы с хвойным лесом на них. Данте тоже был вполне реальным, с морщинами и узловатыми, но довольно изящными пальцами рук. Он произнёс следующее:

– Да, я тоже переправился в эти края на Лодке через иллюзию реки... давно. И попал в Чистилище. Теперь ты не найдёшь и следов его, потому что после Реки ты попадаешь во Вселенную материализованных мыслей. Собственных. Да, если ты полагаешь, что после смерти тебя ничего не ждёт, ты будешь здесь «продолжать» какое-то время вести образ жизни, покинутый тобою на земле. Постепенно ты сообразишь, ты неминуемо заметишь, что материя имеет здесь иные свойства, и этих свойств гораздо больше, чем в земной жизни. Когда я после той жизни явился сюда в свои представления, я не испытал шок. Здешние миры так устроены, чтобы человек «переправившийся» не испытал шок. Состояние шока возможно только на земле.

– Так ты постепенно понял, что Чистилище, придуманное религией...

– ... скоро растает. И славно, потому что я стал скучать. Потом я отправился... в Рай, в такие местности, которые я себе представлял как Рай. Это были сады и излучины рек, мягкие поляны и множество друзей, улыбок и любований природой. Это тоже были мои материализованные мысли! Но... такого рая, как оказалось, вовсе не желала моя Душа. Возможно, многие души, как ни странно может показаться, так и представляют себе Рай, но не в таком раю хотят пребывать... В результате, я по сей день живу в своём собственном мире, собранным из всего, что нравилось мне всегда в земной жизни. У меня есть свой дом с садом и видом на горы, у меня есть семья и дети, и я могу спокойно сочинять... Это и есть мой рай.

– То есть, вы хотите сказать, что после смерти на земле, человек продолжает жить, что это вот всё – реальность?... – выпалил Кукурузин и пожалел.

Взгляд Данте Алигьери напомнил взгляд орла.

– Это всё, как ты выразился, и есть реальность, и она – более реальна, чем земная реальность! Скажи, как выглядит сейчас великий Рим времён Вергилия?

– Э... есть немного развалин, – пробормотал Кукурузин, глянув на Вергилия, который опять чуть не давился смешком.

– Вот! – воскликнул Дант, ткнув пальцем в воздух перед грудью артиста. – А если на то будет твоя воля, Кук, ЗДЕСЬ ты можешь поселиться в любом времени Рима – древнем, без

развалин, средневековом, в Ренессансе или ... в современном с развалинами древнего. Или в будущем Риме! Более того, ты сможешь поговорить с разными известными личностями того времени...

Данте поправил на себе шапочку.

– То есть, к примеру, с Рафаэлем?? – выпалил Кукурузин первое вспомнившееся имя Ренессанса.

– Ну, скажем так, – проскрипел Данте, потыкав палкой в костерке, – Рафаэль живёт по эту сторону Реки в таком мире, в какой тебе пока ещё рано. А вот с Петраркой можно повидаваться, вы одного уровня развития, да... Любит он кошек, и темпераменты ваши схожи.

– Значит, здесь дома не рушатся?

– Только меняются по желанию. И произведения искусства не портятся, потому что здесь нет свойств земного времени и земной физики. Здесь другие законы всего. ЗдОрово?

Кукурузин попытался подумать, здорово это всё или нет, но у него не получилось. Два итальянца посмеялись над его усилиями. Дрон пояснил:

– Не пытайся здесь думать, ты здесь в гостях. Тебе ещё рано сюда, здесь сейчас только часть тебя и твоих способностей. Можешь ещё вопросы задать, а потом будет пора возвращаться.

– Ага, – писатель К. взъерошил волосы руками, потому что думать и правда было невозможно, и выдал первое, что

пришло: – Сюда что, в гости можно приходить, что ли?..

Данте улыбнулся одним уголком рта и кивнул:

– Как и твой братишка. Просто в гостях. Скоро вернётся.

Шок здесь, и правда, не получался. Кукурузин словно сдерживал воздух внутри лёгких.

Эпизод 11

Не верите очевидцам или не верите СМИ?

А в огонь без дыма?

А в отдельность мух и котлет?

Пока друзья спешили на вокзал к электричке, позвонил Антон. Кукурузин сразу же набрал маму и сообщил, что Антоша насиделся у друга, всё осмыслил, теперь возвращается, и пусть всё будет как обычно. Отец Антона прилетит через несколько дней, ничего не зная, потому что ему никто и не собирался ничего рассказывать. Главное, Антону сдать экзамены, остальное не так важно в июне.

На радостях мама Наталья Васильевна попросила младшего сыночка хоть погостить у неё недельку, даже взяла к себе на дачу обеих Кукурузинских кошек на целых три дня, несмотря на то, что Песенка ела дождевых червей.

Как выяснилось позже, события развивались так. После знакомства Антон с Агатой подружились, успели съездить к её деду на дачу, чтобы познакомиться с единственным родственником. Дед оказался не старым, то есть, ему было всего-то за полтинник, и он был орнитологом, то есть изучал птиц. «Вот в кого Агата пошла, раз в зоопарке работает!» – мелькнула мысль у Кукурузина. Конечно, «дед» часто отсутствовал дома, уезжая в экспедиции. В этот раз он отправился

далеко и надолго: на Кольский полуостров на месяц.

Выяснилась ещё одна подробность: Агата была в курсе всех событий! А произошло вот что. Когда дед-орнитолог уехал, Агата с Антоном поехали на его дачу, «пожить свободными индейцами», как выразилась сама Агата, чтобы ни родители, ни общество не мешали своими тисками, – у Антона каникулы, а Агата взяла в зоопарке три дня за свой счёт.

Ребята ходили на карьер купаться, гуляли далеко в лес, жгли костёр на участке. По словам Агаты они поругались на второй же день – на тему свободы, опять та же тема. Дошло до того, что монолог Антона затянулся на час, парень вопил, словно желая вытолкнуть из себя накопившийся ком обид, непонимания и душевной боли. Легли спать поздно, но и на следующее утро Антон продолжил спать, а когда Агата начала его будить, почувствовала, что он не дышит. И, к счастью, позвонила сначала Дрону, а не в «скорую».

Дрон приехал, осмотрел Антона и сказал: он дышит, но глубоко спит, не трогай его, уезжай, никому ничего не говори, если не хочешь ему навредить. Дрон пообещал сам вызывать «скорую», но обманул Агату.

Так Антон проспал эти дни под надзором Вергилия. Он очнулся самостоятельно, как и ожидал бывший поэт, и сразу позвонил брату, как было указано в записке, лежавшей на одеяле.

– А где Агата? – спросил Антон.

– Она в зоопарке, срочно вызвали к пингвинам, – сострил

старший брат. – А у тебя был короткий летаргический сон, и скажи спасибо, что мы не вызвали «скорую».

Почему за это надо благодарить, Антон не уточнял, зато уточнил Кукурузин.

– Ты с ума спятил, надо было врачей вызвать, – ругал писатель поэта, – обалдел?.. Или по медицинской части у тебя тоже имеются супер-способности? Я на это надеялся... Хорошо, а вдруг это повторится? И надо же выяснить, почему так произошло!

Они сидели в мчавшейся электричке, народ читал, дремал и покупал носки, настольные игры, мороженое, какие-то чудо-мочалки у проходящих по вагонам современных коробейников. Антон смотрел в окно.

– Я понимаю, почему ты говоришь, как мать или отец, потому что ты – брат, семья, – говорил Дрон, поплотнее приблизившись к Кукурузину из-за шума в электричке. – Но ведь ты и исследователь, как положено настоящему писателю.

Кукурузин шумно сменил воздух в лёгких.

– Да! То есть ты хочешь сказать, что опасность миновала и самое время разобраться мне, а не медицине?

– Медицина тут вообще ни при чём, – продолжил Дрон. – Все события, происходящие сейчас с тобой и вокруг тебя, – из одной серии, одного замеса. Ты оживил тему Данте, тогда я в твою жизнь заявился...

– ... и Антон уснул... – Кукурузин походил на обтрёпан-

ного котом воробья.

– Слушай, с ним произошло нечто очень интересное, – улыбка Дрона согрела разговор. – Никакой опасности это происшествие не имело.

– Стой, – опять напрягся писатель, – ты что, имел к этому отношение? В смысле, ты заранее знал?

– В кучу всё не вали, – опять смешок поэта, – сначала я услышал намерение Антона. Он его повторял несколько раз, и тогда в грозу в Сосновке, он буквально орал, от души заказывал! Потом я ещё не раз слышал одно и то же. А ты нет?

– Да что он заказывал?..

– Он желал выйти из этого мира, который ему дико не нравился.

Настала пауза, если можно так назвать шум грохота колёс, гула пассажиров и выкриков торговцев. Кукурузин посмотрел на брата: Антон не отрывался от окна.

– Совсем уходить ему ещё рано, у него другая судьба, – говорил Дрон Кукурузину, не ожидая ответа. – Поэтому он был ТАМ в гостях.

Кукурузина словно укололи, он подскочил на месте.

– На том свете?! – страшным шёпотом захрипел артист. Мысленно Кукурузин поблагодарил Небо за то, что всего этого не знает мама. Мороженщица ждала ответа на свой вопрос, держа эскимо перед лицом писателя, но тот смотрел за реку Стикс.

– Слушай, – отворачивая друга от брата, сказал Дрон, – он сам всё расскажет, дай время. Получилось так, что... это тебе для книжки пригодится.

Антон дал время до прибытия на вокзал. Он захотел выговориться, и трое быстро доехали на такси до квартиры, где жил Дрон. Инженер-алкаш сообщил:

– Трамп хочет с Кореей воевать. Королева Марго вернётся в девять. На опохмелку дадите?

Дрон поставил условие:

– Дам, если загадку отгадаешь: из-под одеяла торчало пять ног. Почему в четверг?

И дверь закрыли. Антон воссел на стул-гнездо. Вот что он рассказал.

– Не перебивайте. Я где-то был во сне... Это точно был не сон. НЕ-сон! Это был мой дом... ТАМ. Я был ТАМ, потому что я видел бабулю. Она молодая, и работает опять с растениями, только не как тут в теплицах петунии разводит для города, а, вроде, планирует палисадники у домов... Мы разговаривали, она смеялась, обнимала меня... Воздух такой лёгкий! Я пришёл к своему дому, у меня там дом, я его узнал... Я знаю его!.. Я там живу в небольшом домике, бабуля мне палисадник сама устроила с кустом жасмина огромным и акацией, листья такие яркие и грозди цветов жёлтые, яркие, трава вокруг... Рядом домики соседей – я их знаю! Только имена забыл. Я вошёл в свой дом, потому что вспомнил, что у меня там была собака любимая, Пират. И он был

там... ко мне выбежал. За мной в дом вошёл какой-то человек высокого роста, вроде тоже знакомый, мы пошли прогуляться. Он мне как-то постепенно рассказал, что я отсюда ушёл в земную жизнь, понимаете? Это точно. Человек привёл меня к красивому зданию, предложил войти. Там был фонтан, кресла удобные и экран на всю стену, как в кино. Этот человек... я запомнил, у него были синие глаза, как в фантастическом фильме, – он мне понемногу как-то спокойно объяснил всё... В общем, я попал туда потому, что рвался отсюда, из этой застойной жизни... моей подсознательной мыслью было... умереть. Но я не умер, как тот человек сказал. Он показал мне на экране, и словами объяснил, что после... смерти тут, жизнь продолжается ТАМ, и так вечно, всегда!.. Нет смерти!

Антон заплакал, и Кукурузин, наконец, вскочил и обнял брата.

– Братишка, всё хорошо, нормально, ты дома. А я тоже там однажды был, знаешь...

Антон сразу перестал плакать и посмотрел сначала на Кукурузина, потом на Дрона.

Вечер удался. До прихода Агаты трое в маленькой комнатухе с большим экраном вели странные, очень странные для этого мира разговоры, смеялись, веселились, а алкаш-инженер стучал в стенку. Часам к семи стали собираться в Сосновку, – мама уже звонила два раза.

Но на прощание уже на остановке автобуса Дрон сказал

Антону без улыбки, как начальник подчинённому:

– Главное, ты понял: больше ты не истеришь, будь мужиком. Все живут до срока, которого никто не знает, и ты давай тоже. Тебя на этот раз пожалели, а так...

– Я понял, – откликнулся Антон. – Я видел на твоём экране – могу застрять в какой-то комнате ожидания между мирами...

– Это в лучшем случае, – уточнил Дрон.

– Так, – Кукурузин нажал на плечо брату, – начинай жить радостно, учись любить жизнь там, где ты находишься, и она тебя полюбит в ответ. И смотри в школе не проговорись, и маме, и отцу своему! Упекут в больничку.

– Я не дурак, – вдруг брат показался Кукурузину другим, повзрослевшим, – и Агате не скажу. Как-то у меня в голове всё на место встало. Может, только лет через двадцать книжку напишу.

– Ещё один писатель! – Дрон покатился от хохота.

– Нет, писателем я не буду, – Антон застегнул куртку до подбородка и хитро заулыбался. – Будем с Агатой зоологами, животных планеты Земля изучать... А на том свете буду зверюшек на разных других планетах наблюдать! Мне обещали, если я буду молодцом.

Автобус закрыл двери, и братья сели на заднем сидении.

– Ни фиги себе события последних месяцев, – сказал Кукурузин вслух.

– Знаешь, я вспомнил, мой домик был как бы... То есть за

ним была типа пропасть. Тот человек сказал, что если я буду здесь стараться быть нормальным человеком, ТАМ пропасть исчезнет.

– Всё правильно, – приобнял братишку писатель. – Остаётся тебе определить для себя, что значит быть нормальным человеком. А?

– Ну... Нормальным не в смысле обывателем, это я тебе точно скажу, – братья разом весело хмыкнули, а Антон оглядел вечерние огни за окном электробуса. – Хочу сделать так, чтобы жизнь была... как песня, понимаешь?

– Я тоже так хочу, – засмеялся Кукурузин, смешно кивая, как голубь.

– Эх, забыл у твоего друга спросить, это был рай, что ли?

Эпизод 12

Фраза Вергилия Публия Марона:

«Бойтесь данайцев, дары приносящих».

Не верите во влияние литературы на людей?

Рассказы Антона продолжались. Дрон предупреждал, что он будет ещё и ещё вспоминать подробности своего посещения другого измерения. Кукурузин с озвучки мчался в Сосновку, и они с братом бесконечно пили мамин компот в беседе.

Чаще всего два брата обсуждали один момент, который Дрон показал им на своём волшебном экране: возвращение Антона ОТТУДА медленно. Удивительным было то, что фигура подростка светилась и такая вот светлая, вроде фонарика, вернулась в земной мир. Дрон сказал, что так всегда и происходит. При рождении оттуда сюда человечек буквально привносит свет в этот мир! Это свечение на языке физики можно объяснить повышенными вибрациями волн-частиц тела.

Но Дрон добавил следующую, шокирующую информацию: всё больше людей и всё чаще будут кратковременно посещать ТОТ мир именно с такой целью, привнесение высоких частот сюда. Это необходимо для эволюции. И так бы-

ло всегда, только это делали единицы и через рождение. А теперь... появляются люди, которые СПЕЦИАЛЬНО будут туда-сюда ходить с той же целью, осознанно.

– Ну-ка, тут поподробнее, – собрал складки между бровей писатель К. А его младший брат и вовсе онемел.

Теперь это обсуждалось братьями в беседке Сосновки.

– Скажи, что это за специальные люди такие, ты помнишь, Дрон говорил, что будут туда и обратно ходить, или уже ходят? – спрашивал брата Антон о самом для себя интересном.

Эта тема вплеталась и в новую книгу, поэтому Кукурузин имел прямой интерес, но Дрон сообщал об этом явно не всё. Было выяснено, что такие люди есть по всему земному шару и у нас в стране, и в Москве. Также стало известно, что они сначала практикуют «осознанные сновидения».

Но этого мало, думал Кукурузин, для такого путешествия нужны соратники ОТТУДА, специалисты, как их называет Дрон. А значит, эти таинственные люди а) имеют межпространственные связи; б) имеют-получают-развивают навыки; в) возможно, своими хождениями они строят порталы для других, следующих. Да, наверняка, они имеют учеников. То есть, это группы людей, так сказать, сотрудников эволюционного движения планеты. Кукурузин понимал, что он может фантазировать, но это и требовалось! Интересно, как они выглядят, эти супермены.

Антон, к счастью, сдал все экзамены, – жизнь ему и здесь стала нравиться всё больше и больше. Агату он попросил не

говорить на тему происшествия. Он даже торжественно заверил её, что начал новую жизнь, оптимиста и взрослого мужика. И она подпрыгнула от радости, когда он выразил желание стать профессиональным зоологом.

Но, как и предупреждал Дрон, Антону ещё долго будет нужен человек для откровений, и Кукурузин на это радостно подписался. Он не стал скрывать от братишки, что с некоторых пор чувствует себя писателем. Одна книжка уже написана, теперь он сочиняет необычную книгу, фантастику, так что рассказы Антона для него очень в тему.

Кукурузин заканчивал свой труд, но название произведения не находилось. Дрон отказался в этом помочь. Но это было единственным, что не получалось, остальная жизнь вокруг Кукурузина цвела цветами: Антон с Агатой изучали в зоопарке зверюшек, набрав книг по зоологии, Дрон помогал закончить книгу, а Маля шила и пела дома, создавая там местный рай, начались репетиции долгожданного антрепризного спектакля.

Оставался один неясный вопрос, – что дальше делать с новым произведением? Но Дрон отмахивался: всё сделаем. Кукурузин, опять зазвав Дрона к себе в отсутствие Мали, давал отчёт о проделанной работе. Судя по выражению глаз бывшего Вергилия, отчёт нужен был самому писателю: осталось пара финальных страниц.

– Так. Хочу обобщить кратко информационный материал, не сюжет. Через героев и события я сообщил читателю о том,

что есть природная энергетическая матрица планеты, которая обеспечивает человечество энергией и информацией. И есть искусственная матрица ИКС – искусственная коммуникативная система, – которая блокирует часть энергии и информации для людей, чтобы они были управляемыми, вот. Дальше, я показал, куда движется всё это. Та часть человечества, что сопротивляется переменам, новой информации и духовному прогрессу, уходит с планеты разными способами, и вернётся через какое-то время сюда опять, чтобы прожить уже по прогрессивным программам, не имеющим имплант страха. Часть людей, зомбированных матрицей ИКС, сможет от неё избавиться и присоединиться к эволюционному движению. Такая вот комедия.

Дрон с довольной улыбочкой молча хлюпал спелой грушей.

И вот Кукурузин закончил последнюю главу. Обе кошки лежали на синем диванчике в полутьме. Маля приедет сегодня поздно. Песенка наелась крабовых палочек, – оголодала после дождевых червячков на даче. Кукурузин тоже пошёл на кухню, открыл холодильник, – рядом стоят малины деликатесы в коробочках. Вынув первый попавшийся, Кукурузин сел за стол и автоматически заработал вилкой.

Люди, сознательно «гуляющие» в другое измерение... Дрон сказал, что есть и без-сознательно гуляющие. Это когда клиническая смерть или кома. После этого люди просто ничего «такого» не помнят, хотя чувствуют себя лучше,

чем раньше. Говорят, у многих из них жизнь меняется, цели, приоритеты. То есть, для наполнения нашего мира высокими частотами всё больше и больше людей ходят за ними в миры более гармоничные... Интересно.

«Неужели это интересно не всем? Как это возможно...»

За окном-стеной – вечерний город. Где-то в нём – бра-тишка Антон, который... Нечто внутри Кукурузина начало тихое движение. Мысль? Нет пока. Чувство? Скорее пред-чувствие. Новая тема... для новой книги! Подростки, конечно, да!

И, словно кто-то режиссировал, Кукурузин открыл поле Яндекс Дзен и, автоматически листая, вышел на статью с ци-татой Далай Ламы:

«Стало подрастать новое поколение – миллениалы. У них другие идеалы – им не нужны атрибуты финансовой состо-ятельности. Им хочется развития личности, свободы выбо-ра, и чтобы оставили в покое. Они смеются над биржевыми брокерами в строгих костюмах, называя их рабами офисного пространства. Они смеются над женщинами, которые мечта-ют о шубах и кольцах с бриллиантами, и готовы вкалывать ради них. Миллениалы отрицают факт, что для того, чтобы много получить, надо много работать. Они хотят минимизи-ровать свои энергетические затраты. Планете не нужно боль-шое количество «успешных людей». Планета отчаянно нуж-дается в миротворцах, целителях, реставраторах, сказочни-ках и любящих всех видов.

Она нуждается в людях, рядом с которыми хорошо жить.

Планета нуждается в людях с моралью и любовью, которые сделают мир живым и гуманным. А эти качества имеют мало общего с «успехом», как он определяется в нашем обществе...»

Как-то поздно вечером после репетиции Дрон нагнал Кукурузина в парке.

– В телефон загляни.

На вотцап пришло сообщение от некоего издателя Павла Решетникова, который прочёл Кукурузинский «Полночный обед» и желает переговорить с автором.

– Дрон? А как ты текст этой книжки у меня достал? – вопрос ещё до рождения вслух оказался глупым. Дрон только хихикал.

– Назови книжку «Божественная комедия артиста Кукурузина», – сказал он, – серьёзно.

Эпизод 13

Не верите в ад? Он влетён в жизнь современного общества.

Кем? Есть люди – носители ада.

Павел Решетников на встрече задал Кукурузину единственный вопрос:

– А вы профессиональный писатель? То есть Литературный институт заканчивали?

– Нет, – ответил Кукурузин нарочито шутливым тоном, – я как почти вся классическая библиотека.

«И Данте», – подумал он.

Книгу «Полночный обед» издали очень быстро. Даже организовали встречу с автором в магазине – Кукурузин подписывал купленные экземпляры.

Через несколько дней о книге артиста Кукурузина понемногу заговорили в СМИ. «Подождите ещё, комедию мою прочитаете, выпадете в осадок, точно, – думал Кукурузин, – в «Обеде» всего-навсего инопланетянин зачастил в одну семью обедать ночью. Никак не мог попасть днём, – у него время нелинейное, а сферическое... Эх, печатать начали, – приятно!»

Через две недели – под конец лета – пригласили на телевидение, рассказать о книге, о себе. Вопросы не клеились,

как и ответы, но, как часто бывает в подобных передачах, всё немножко сдобрили смешками. Дрон, не заглядывая в телек, был в курсе событий.

Дальше полетели первые камни: статьи критиков. И читатели нашлись, которым не понравилось произведение. Как водится, они схлестнулись с новоиспечёнными почитателями таланта. На ленты в сети лягнулись и грязные статейки чёрно-жёлтых фантазёров, сочиняющих «истории из жизни новоявленного писателя».

Пара таких статей попала на глаза Мале и этот «пухленький ангел» в секунду превратился в бушующую птицу, бил крыльями, стучал клювом и возмущённо верещал. Кукурузину пришлось уговорами заманить её в ванну с розовыми ароматными бомбочками и потереть спинку, чтобы успокоилась. Мама звонила, читала эту ересь и плакала от лжи на её сына. Дрон сказал, что это всё составляющие рекламы и успеха. Он был прав. А Антон с Агатой ржали, прочитав, что «Кукурузин на гастролях в Н... ске изгадил граффити все стены провинциального театра».

– Как-то не талантливо, – высказался про эту писанину артист Кукурузин гнусавым голосом своего нового персонажа из антрепризного спектакля. – Если б я хоть рисовать умел...

Но пора было вывести в свет следующую книжку, козырь, как сказал Антон, который уже успел прочесть «Комедию» в электронном виде. Неожиданно издатель Решетников отказался её печатать. Дрон опять одобрил ход событий. Не он

ли повлиял незримо на этого человека специально? Потому что, каким-то образом узнав об этом отказе, сразу три издательства предложили свои услуги на выгодных условиях. Дрон указал на издательство «Мерседоний». Так в Древнем Риме называли тринадцатый месяц в году.

– А какому режиссёру мы предложим нашу «Комедию»? – спрашивал артист поэта, когда они входили к Дрону в коммуналку.

Но дорогу им преградил библиотекарь – поставить автограф. Тут же выскочил из своей двери спортсмен, пловец, и Кукурузин расписался на его футболке, а учительша демонстративно хлопнула дверью.

Дрон не стал включать свой волшебный экран, друзья просто плюхнулись на диван.

– Воздвиженскому, – сообщил фамилию режиссёра Дрон.

– Ты с ума не спятил? – обрадовался Кукурузин. – Ты знаешь, что он из пятёрки самых крутых? Думаешь, он будет меня слушать?

– Он пока самый крутой по использованию компьютерной графики, – невозмутимо продолжал Дрон. – Это то, что нам нужно. И фантастику любит.

– И как ты собираешься организовать встречу?

Кукурузин вдруг заметил, что всё это время он видит своего нового друга в одной и той же лимонной худи с капюшоном. Но эта худи остаётся абсолютно чистой. «Наверное, у него их три», – подумалось писателю-фантасту.

– Не знаю, – неожиданно сказал Дрон, – но рукопись уже у него.

Режиссёр Воздвиженский не позвонил. Прошёл месяц. Кукурузин мотался по гастролям с антрепризой, Антон учился, периодически вспоминая детали своего потустороннего путешествия, а Дрон исчез.

Коротая свободное время на гастролях, Кукурузин старался гулять один. Он размышлял. Что есть ад? И какая-нибудь есть необходимость в наши дни в таком понятии? Польза? Писатель-артист гулял по парку старого русского города, в котором проходили гастроли, наблюдая бегающих детей, их родителей, одиноких пешеходов, парочки, старичков с палками, бегунов, собак, выгуливающих своих хозяев.

Если ад тут, на земле, то в чём он проявляется? Может, в слепоте людей? В замкнутости, мутности целей жития? Несомненно, ИКС матрица как программа-вирус играет тут роль чёрта из ада: обществу поставлена цель выживать, карабкаться, преуспевать, портит жизнь, как и общепланетные игры в угрозу войны, холодной или горячей, и активное толкание одних другими в нищету или столкновение народов для смертоубийства.

Но сами люди? Вот как эти гуляющие по парку? Кроме исключений, большинство из них, – «среднеживущие», то есть, «как все», живущие опять по законам, установленным «плохой» матрицей. Предположим, часть народа, посмотрев фильм про такую матрицу, сначала задумается, потом станет

наблюдать, анализировать и делает выводы для себя. И будет продолжать жить в обществе, но, уже осмысленно подходя к разным вопросам, и эта осведомлённость поможет выстраивать свою жизнь по своим предпочтениям...

Нет, нет, надо вернуться к словосочетанию «как все». Откуда оно взялось? Ведь дед и бабушка Кукурузина знали другое словосочетание – «как люди». Вот в чём разница! «Как люди» в те послевоенные годы означало для всех жить честно, открыто, хорошо выполнять свою работу, стараться хорошо учиться, нести ответственность за свою семью, любить Родину, а главное, всё воспринимать от сердца! Не умом... «Плохая» матрица сидела голодной все годы, пока мы жили как люди, как человеки.

Господи. Неужели это всё ушло? Не поэтому ли жизнь превратилась в ад? Что, людям обязательно нужен какой-то строй, идеология, чтобы жить радуясь? Занимаясь любимым делом, а не проговаривая ежедневно претензии к «стране»? Ведь истории известны и более тёмные времена, но люди умудрялись создавать шедевры, или создавать новое – науки, открытия. Занимались же любимыми делами, несмотря на то, что за это могли посадить в тюрьму, убить тайно или публично сжечь на костре? Или это были исключения, а большинство...

Вот оно, это слово – большинство. Это что, всё-таки, нечто тестообразное? Видимо так и устроено. Но тогда вредная матрица очень полезна! Она заставляет «тесто» прой-

ти опыт давления, мнёт, жмёт и лупит это тесто, добиваясь его... качества?

Писатель Кукурузин сел на лавку. Приплыли. Надо книжку переписывать. А что же Дрон молчал?

Но маховик запущен, колесо закрутилось, новую книжку уже издали, «Божественную комедию цифрового века», – таково было её название. Сопутствующая шумиха поднялась, как при падении камня в пруд, вся муть со дна. Опять интервью, телевидение, новости, критика, восторги, обсуждения. Даже позвонили с двумя предложениями вторых ролей в новых кинокартинах. Вторых, не третьих-четвёртых. Стали приходить деньги. Декабрь дунул метелями.

Жизнь писателя К. стала меньше нравиться ему самому.

Комната Дрона закрыта, якобы уехал пока. Нужна информация, надо переговорить! Где его носит, в каких мирах?.. Кукурузин каждый раз дёргался, когда видел в толпе куртку лимонного цвета. Маля бережёт домашний очаг, несмотря на то, что её Мурзик стал грустнее, чем раньше, – устаёт. Маля старалась привносить побольше семейных радостей в их жизнь, тепла, уюта, выучила новые арии из опер, связала кошкам пёстрые жилетки.

Ещё летом она выгородила угол в комнате для маленького письменного стола под ноутбук – рабочее место любимого. Связала коврик ему под ноги. Кукурузин думал. А можно ведь думать без мучений? Можно. Когда эго знает своё место и не лезет в душу. Надо научиться.

Так что у нас с адом? Он нам нужен или как? Или кому как? Может... самому сначала выйти из «плохой» матрицы? Наконец-то!! Дошло!..

Значит, так. Пусть жизнь идёт своим чередом, раз. Встреченные препятствия не преодолеваем, лбом не бьёмся, два. Не переживаем ни по какому поводу, то есть, восприятие меняем на более философское, три. Занимаемся любимыми делами, что бы кто бы ни говорил, четыре. Стараемся всех понимать и любить, начиная с близких, это пять. Давно Мале цветочков в горшке не покупал.

Цели? А не их ли нам диктует магнитная клетка на башке? Стандартные приоритеты, – её рук дело, – нам ни к чему. Зависимость от мнений, – вообще мелочь. Да, жить как человек, гораздо приятнее! Берём пример с младшего братишки.

А тесто... Всё равно станет выпечкой, по предназначению: куда ты от эволюции денешься.

Эпизод 14

*Ничто никуда не исчезает, но меняется... Не верите?
Значит, не верите гению Ломоносова.*

«Божественная комедия цифрового века» пошла в мир. Встречи с читателями, интервью, автографы. Кукрузин заметил, что на встречах почти не задают вопросов по сути, по теме. То есть, они совсем не звучат. Дрон был прав, – нужно время. Режиссёру Воздвиженскому, возможно, тоже.

Зато появилось много свободного времени подумать. Ведь юный Проводник предложил гораздо больше информации, чем взяла книга.

У Бога во вселенском хозяйстве всё продумано. Даже есть ... божественное образование, отличное от того, что придумали люди для своих детей. Хорошо бы сочетать и то, и другое... Как устроена божественная школа? Как жизнь. А где можно видеть божественное хозяйство на Земле? Это при рода.

Дрон как-то рассказывал, что если ты рождаешься с каким-нибудь талантом или даром, то это означает, что в прошлых жизнях ты достиг на этом поприще хорошего уровня, то есть, Роден уже побывал скульптором, Леонардо – инженером, Плисецкая – танцовщицей, Жуков – военачальником, а Лермонтов – уже сочинял поэмы ранее. Учтём, что вре-

мя движется не в одном направлении, тогда, допустим, прошлая жизнь Леонардо могла быть и в наши времена. Просто его память гения сохранила тени воспоминаний о подводных лодках, вертолётках и прочем. А Плисецкая могла танцевать раньше и в ... параллельном мире. Возможно, паря в воздухе, как птица!

То есть, образование или обучение Господь Бог не даёт потерять, оно сохраняется! И человек, приобретающий навыки, обогащает себя не на несколько десятков лет, а навсегда. И труды рано ушедших – не пропадают даром. Потому что приобретённый опыт архивируется в тех слоях ДНК, которых учёные пока не открыли, потому что они находятся в тех «невидимых» для учёных телах человеческого Существа, что они пока не могут зафиксировать и не желают. А эти волшебные слои... общие для всех людей, и слиты в единое поле информации... Также Дрон сказал, что многое из того, что создано тут, на Земле, ТАМ имеет особенную ценность. И сохраняется, конечно!

Это божественно здорово. Значит, дурак Герострат зря старался: храм, сожжённый им, стоит себе в ином мире! И Гоголь сжёг рукопись, да не сгорела она, – рукописи не горят! Сожжённые мракобесами книги и картины.

Значит, артист Кукурузин, житель современной Москвы, уже был некогда сочинителем? «Интересно, что я писал? О том, что меня волновало... А что? Или я сначала в монастырях переписывал книги других людей от руки, до изобре-

ния печатного станка...»

Как бы то ни было, писатель К. решил более не сочинять, не писать вообще. Чувство неправильно выраженной мысли последней книги, или не до конца додуманной, было противным и не покидало Кукурузина. «Я торопился, поспешал. Этот вечно юный Вергилий подталкивал, а я поддался, суетился...»

И Дрон-Вергилий вернулся. Это произошло, как всегда, неожиданно. Кукурузин отснялся в эпизоде нового кино в глухой провинции на небольшом озере. Съёмочная группа съехала с турбазы, где проходили съёмки, а Кукурузин остался ещё на пару дней, отдохнуть и побыть в одиночестве.

Заканчивался март, было сыро и пустынно, хотя ещё двух постояльцев турбазы обслуживала одна горничная, одна повариха, она же официантка, и один Иваныч на все руки мастер, – и что починить, и охрана, и за директора. Никто никому не мешал. Царила тишина.

Кукурузину как поток воды в пустыне была нужна эта звенящая тишина. Озеро туманилось. И вдруг он увидел на берегу прямо у воды фигуру в ярко-лимонной худи! Дрон опять был в мокасинах на голую ногу и в джинсах с дырками, несмотря на март.

– Старик! – чуть не расплакался взрослый дядя. – Опять не по погоде одет!..

Слова – одни, а чувства другие, и Дрон все их считал. Без лишних слов. Они сначала гуляли по берегу озера, а потом

присели на огромное бревно среди камней. Всё это напоминало или очередные съёмки фантастической драмы или другой мир, ТОТ.

Вопросы накопились.

– Что скис, писатель? Ты всё правильно написал, не нужно было в этой книжке объяснять всё до конца. Для этого будут другие сочинения. Данте тоже сомневался, – говорил Дрон, забросив в воду кусочек коры. – Пиши, не останавливай себя, если тексты идут. Даже если ты напишешь в стол, всё равно это сработает. Ты же производишь энергию особенной пробы, и она всё равно находит своё место, потому что... её ждали! У Бога в хозяйстве всё продумано! В Божьем мироустройстве нет ни одной лишней или ненужной микрочастицы, а ты о потерянном для широкой публики творчестве. Даже хаос в космосе имеет цель, ценность, период и место со строго отведёнными границами. Вроде компостной кучи в саду.

– Что значит, – ждали энергию? – спросил Кукурузин, заметив, что кусочек коры, брошенный Дроном в озеро, поплыл, вроде лодочки.

– Ты в курсе, что мозг не рождает мысли, а принимает их? – задал свой вопрос Дрон. – Так вот, принимает он их от тебя, который ТАМ сейчас находится.

– Где... я? – не понял Кукурузин.

– Антон, попав ТУДА, мог встретить себя, понимаешь? Каждый из нас есть во многих мирах. А когда ты уходишь из

этого мира с концами, то сливаешься с собой ТАМ, понял?

– Ух, ты.

– А теперь представь картину, – и чудесная голограмма вдруг возникла над гладью озера! Она светилась красками! Как же этого не хватало Кукурузину все эти холодные месяцы осени и зимы!..

Голограмма, местами размытая, показала какие-то дивные неопишуемые вещи, фигуры-энергии, на глазах растущие сказочные цветы размером с деревья, какие-то крылатые существа, летающие парами и в одиночку...

– Это – более высшие миры, – продолжал Проводник свою миссию, – в них ты тоже есть. И я. И другие. Даже те, что сейчас заняты преступлениями на Земле, да! Те, что поджигают леса и ежедневно бросают в городах банки, бумажки, те, что бессмысленно убивают животных и издеваются над детьми... Только они в высших мирах пока словно спящие ростки... Когда-нибудь, они соединятся со своими земными аспектами, когда те пройдут Путь. Это всё – фантастично, но это всё можно пересказать языком земной физики, хоть она у вас пока ужасно ограничена. Так это всё и работает, потому что всё есть энерго-материя разных свойств, и поэтому все миры очень разные, имеют свои особенности, достопримечательности, свой путь развития, свою историю, своих героев...

– Знаешь, а ведь я раньше не задумывался о Боге, – сказал Кукурузин, усмехнувшись своему прошлому, – просто упо-

треблял это слово как все и когда все. А теперь... всё очень интересно.

– Что? – радовался Дрон как мальчик.

– Я так понимаю, что это понятие – Бог – временное, для определённого этапа развития человечества, так или нет?

Дрон сначала помолчал, потом вздохнул свои слова полной грудью:

– Ну ты же писатель, пойми, это... необъяснимое! Нет таких слов, есть чувство, понимаешь? Хотя есть и рациональное объяснение: да, Исток Жизни, Великий Импульс, Творец, создавший всё... и так далее. Можно на пятиминутный ролик наговорить. И люди будут ещё это делать, пытаться объяснить Его, назвать, описать, рассказать... Это кому-нибудь нужно. Но когда это уже не нужно, это становится чувством, которое объяснить или передать невозможно, пойми. В этом измерении сознания такое чувство передать невозможно. ТАМ можно, да и то не полностью. Ладно, ты молодец, а мне пора.

Но двое не сдвинулись с места. Голограммы высших миров постепенно таяли над озером.

– Большое хозяйство, – задумчиво произнёс Кукурузин. – Интересно, а работники турбазы сейчас тоже это видят, если они смотрят в сторону озера?

– Нет, – беззвучно засмеялся Дрон, – это всё «кино» в твоей и моей голове, как у вас говорят. Но на самом деле, у вас не только голова «умная», а весь организм и все ваши маг-

нитные тела-поля, весь набор, из которого каждый человек состоит.

Над озером пролетела какая-то птица.

– Слушай, а вот эти специальные люди, которые туда-сюда из мира в мир ходить умеют, – спросил Кукурузин, – они, как ты говорил, обычные граждане или какой-нибудь супер засекреченный институт, я не знаю, посёлок...?

– Это обычные граждане, – солнечно, по-утреннему улыбнулся Дрон, хотя солнце уже почти село. – Понимаешь, благодаря этой их работе, – а они тут как в командировке, – в ваш мир привносятся такие виды энергии, которые позволяют миру эволюционировать. Например, у всех людей начинает меняться состав крови, функции ДНК.

– Это такая супер-полезная контрабанда, – веселился Кукурузин.

– Вроде того! – игриво подхватил Дрон. – На основе этих привносимых энергий можно построить совершенно новый мир, с новой материей, и не чужой мир, а ваш, знакомый, на основе всех ваших достижений, только более гармоничный. Без болезней и одряхления тела, например.

– Это тебе не какой-то Искусственный интеллект, – хмыкнул писатель.

– Искусственный интеллект, в который вас втискивает «плохая» матрица, – просто детская игрушка по сравнению с Творчеством Бога, Коллективного Существа, как ты понимаешь.

– А ты слышал, нас всех хотят к единой энергобазе подключить, типа, чтобы управлять? – спросил Кукурузин за многих людей.

– «Плохая» матрица, и те, кто через неё вами пытается руководить, – не совершенство, понимаешь? У них имеется масса ограничений, я уже не говорю про огрехи. Например, никакими изобретениями они не заставят подчиниться людей с повышенными вибрациями, никогда. А повышенные вибрации – это...

– Это светлые, добрые люди, живущие радостно, творчески, не унывая, не очаровываясь стереотипами, клише, деньгами, властью, кумирами и идеями.

– А также люди, живущие нелогично, – Дрон слегка толкнул друга в плечо, – разве тебя можно запрограммировать, Кукурузин? Ты чудак и растярёха, ты романтик, и юмора в тебе достаточно, чтобы погасить любой запущенный злодеями импульс.

– Да, и ещё неуязвимы для программирования люди, которые не дают страхам гнездиться в себе, которые от радости ржут постоянно и пляшут периодически, которые в меру пофигисты, которые могут сходу отдать жизнь, спасая другого, люди, чьи виды деятельности направлены на помощь другим, животным, Земле, кто создаёт красоту, и... тут всё понятно.

Дрон тихонечко хихикал. Хихикал ли он таким образом в Древнем Риме?

– Удивительно всё-таки, – выдохнул Кукурузин, – эта жизнь. Вечна и вечно полна сюрпризов.

– Так что, не передумал дальше сочинять? – Дрон забросил в озеро ещё один «кораблик» из коры.

– Пожалуй, но только с тобой в тандеме... Это возможно?

– Посмотрим, – через паузу сказал Вергилий. – Знаешь закон?

– Да, да: начни с себя. Тогда и сотворчество возможно, – скороговоркой пробубнил Кукурузин. – Друг... а что будет дальше, не подскажешь? Не со мной, а со всеми... матрицы эти...

Дрон помолчал. «Думает об уместности информации. Сто процентов», – мелькнуло у писателя К.

– Весна, – только и сказал юнец.

А вдали от них по воде две щепочки коры уже плыли рядом.

В оформлении обложки использована авторская обложка.